

Дмитрий Ластов

ЯБЛОНЯ

Действующие лица:

МИША, мужик лет пятидесяти с небольшим.

НАТАЛЬЯ, жена Миши, чуть за пятьдесят.

РИТА, дочь Миши, двадцать четыре года.

БОРЯ, сын Миши, двадцать с небольшим.

ВЕРА ПЕТРОВНА, глава управы, за пятьдесят лет.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, заместитель главы управы, за сорок лет.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ, шишка из мэрии.

ОЛЕГ ИВАНОВИЧ (ЗАСТРОЙЩИК), бизнесмен городского масштаба.

ТИМОФЕЙ, местный участковый.

ПОЛКОВНИК ПОЛИЦИИ.

РЯДОВЫЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ и РОСГВАРДИИ.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ.

БОЙЦЫ МЕСТНОГО СПОРТКЛУБА.

САНЫЧ — сосед, сильно в возрасте.

СУХРОБ — дворник, узбек лет пятидесяти.

СОСЕДКА, дама за пятьдесят.

БАБА ТАНЯ, соседка бабушка.

КОЛЬКА, мужик сильно за сорок.

ДИМОН, мужик, чуть за сорок.

ЛЁШКА, сосед, около сорока.

ДАШКА, соседка, чуть за тридцать.

ТАНЬКА, соседка около сорока лет.

ДЕПУТАТ, пронырливый тип.

ПОМОЩНИК ДЕПУТАТА.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ.

ВРАЧ И МЕДСЕСТРА СКОРОЙ ПОМОЩИ.

События пьесы происходят в конце мая 2018-го года.

Эта история придумана. Любые упоминания имён и фамилий случайны и не имеют к реальным людям и событиям никакого отношения. События могли происходить в любом районе Москвы.

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ АВТОРА

sovetika@mail.ru

lastov.ru

(в. 27)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Действие происходит в старом московском дворе. На заднем плане видны подъезд жилого дома, окна дома. На переднем плане видна большая цветущая яблоня.

День. Во дворе стоят Вера Петрова и Дмитрий Сергеевич. Они кого-то ждут и периодически смотрят в одну сторону. На лавочке сидят Саныч и баба Таня. Лёшка что-то наигрывает на гитаре сидящей рядом Даше. Идёт обычная жизнь двора. По двору идёт соседка с сумкой. Из подъезда выходит Танька и, видя Лёшку и Дашку, быстро идёт к ним.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Во сколько они, сказали, приедут?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. В три.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Уже три. Мне здесь как-то неуютно.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Такие всегда опаздывают.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Он думает, что если позвонил, то мы должны тут же прискакать и ждать их.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Вера, ну что ты хочешь от них. Мэрские, они и есть мэрские. Да и вся Москва сейчас стоит. Чемпионат мира. Футбол.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Дим, не люблю я их. Вот просто... Слушайте (*Лёшке и Даше*), мы здесь, вообще-то, разговариваем

ЛЁШКА. Ага.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Шли бы.

ДАШКА. Начальники тут нашлись.

Подходит Танька.

ТАНЬКА. Меня Серёга чуть не прибил сейчас.

ДАШКА. Бухой опять?

ТАНЬКА. Вон он. Глаза стеклянные.

ЛЁШКА. Точно, сейчас всем достанется. А ну, руки в ноги.

Лёшка, Танька и Дашка быстро уходят. Гитара остаётся у лавочки.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Вы видели? Это же наш народ.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Да, контингент. Гитару оставили.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. А одеты, как шлюхи. А эта так вообще в тапках.

САНЫЧ. Что, соседушка, из магазина? Что купили?

СОСЕДКА. Да ну, Саныч, ну что я могу купить... Это по акции - порошок. А окорочка-то подорожали. А гречка...

БАБА ТАНЯ. А что гречка? И она?

СОСЕДКА. Макароны по акции тут купила, такие красные. Дешёвые.

САНЫЧ. Всё ты про запас, соседушка.

БАБА ТАНЯ. Смотри, Наташка идёт.

Из подъезда выходит Наталья.

САНЫЧ. Куда это вы?

СОСЕДКА. Видать, на дежурство?

БАБА ТАНЯ. На сутки в больницу?

НАТАЛЬЯ. Да, в больницу. На сутки.

СОСЕДКА. Ну, давай.

Наталья спешит. Соседка окликает её.

СОСЕДКА. Наташ, а чего твой Мишка, больной что ли?

БАБА ТАНЯ. Да он алкаш. *(тихо)*

НАТАЛЬЯ. Что? *(оборачивается)*

СОСЕДКА. Вчера в поликлинике к кардиологу сидел в очереди. Я уж удивилась.

САНЫЧ. Мож, обозналась? На вид Мишка не похож на этих, на сердечников.

НАТАЛЬЯ. Вы про что?

СОСЕДКА. Может, и обозналась.

БАБА ТАНЯ. Да иди, Наташ, дежурь, людей спасай. Обозналась.

Наталья уходит.

СОСЕДКА. Нет, не обозналась. Он был - Мишка был. Сидел к кардиологу. Вчера было.

САНЫЧ. Ну сидел и сидел.

БАБА ТАНЯ. Все они так.

СОСЕДКА. Что так?

БАБА ТАНЯ. Ну, спиваются. Сердце потом бац - и мрут.

СОСЕДКА. И Мишка?

БАБА ТАНЯ. И он помрёт. Пока она там туда-сюда да работает, он киряет.

САНЫЧ. Да ладно вам.

Соседка видит дворника Сухроба и недовольно морщится.

БАБА ТАНЯ. Что ты?

СОСЕДКА. Смотри, пошёл - деловой такой. Не люблю я их.

БАБА ТАНЯ. Убирается тут, и пусть. Тебе чего?

СОСЕДКА. Пахнет этот Сухроб плохо. Не моется, глядишь. Грязный какой-то.

САНЫЧ. Глазастые тетери.

СОСЕДКА. А тут давеча в центре была. Ой, народу-то - тьма. Понаехали на этот чемпионат.

САНЫЧ. Будь он неладен.

БАБА ТАНЯ. А у меня тут сноха квартиру сдала каким-то нерусским - то ли итальянцам, то ли финнам. Не поймёшь их.

СОСЕДКА. За сколько же?

БАБА ТАНЯ. Не сказала.

ВЕРА ПЕТРОВНА. И, понимаешь, вот работаешь, ну, как загнанная лошадь.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Точно, точно.

ВЕРА ПЕТРОВНА. И что!? Мы здесь будем всех жильцов уговаривать!? Они же нас... Мы же... Что только не выслушаем. Вот смотри...

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Что?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Вот этот дед припрётся к нам в управу и будет говорить, что у него там, на кухне что-то треснуло из-за стройки. А эта баба с сумкой...

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Какая неприятная!

ВЕРА ПЕТРОВНА. Да они все тут. А эта баба, от которой, наверное, несёт, моется не часто, придёт и скажет, что ей негде гулять. А эти...

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Эти забулдыги?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ну да... что им негде ставить свое старье... Парковку подавай.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Дома-то старые.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Старье...

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Лет семьдесят им.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Больше. Сорокового года дом. Ты бы документы изучал.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да куда мне, Вер... Ну, ты скажешь.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Дима, вот скинут меня с поста, и что ты будешь делать?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Не скинут, ну что ты...

КОЛЬКА. Ну что, починил, а?

ДИМОН. Да ну тебя. Ну, какое там... Ну, там, понимаешь...

КОЛЬКА. Видел я, у меня такое же.

ДИМОН. Я тут новую присмотрел.

КОЛЬКА. Мерседес!?

ДИМОН. Нет, китайскую.

КОЛЬКА. И что, купишь?

ДИМОН. Ну, может...

КОЛЬКА. Деньги есть?

ДИМОН. Тысяч триста кредит возьму.

КОЛЬКА. Дадут?

ДИМОН. Ну, может. Да моя к родне поехать хочет. Боюсь, не доедет.

КОЛЬКА. Твой не доедет.

ДИМОН. Слушай, а как думаешь, наши-то дойдут?

КОЛЬКА. Может, до полуфинала и дойдут. Но там французы сильные, хорваты всякие.

ДИМОН. Колька, а что эти-то тут стоят уже с час?

КОЛЬКА. Да я знаю? Стоят и стоят. Сухроба надо спросить. Кликни его. Он-то всех знает.

ДИМОН. Сухроб! *(кричит)*

ДИМОН. Слушай, а это, кажись эти...

КОЛЬКА. Кто?

ДИМОН. Ну, эти, из управы. Я тут за гараж свой бился.

КОЛЬКА. Помню, убрать всё грозят.

ДИМОН. Эта, вот, эта страшная — она, кажись, у них главная.

Подходит Сухроб.

СУХРОБ. Что?

КОЛЬКА. Сухроб, вот их видишь *(показывает на Веру Петровну и Дмитрия Сергеевича)*.

Кто такие? Стоят тут с час уже.

СУХРОБ. Это Вера Петровна — глава управы.

ДИМОН. Видишь!

СУХРОБ. А второй - её зам.

КОЛЬКА. Ого! Явились.

ДИМОН. Видать, что затевают. Смотри-ка, осматриваются. Что они тут стоят? Гаражи хотят снести. Явно же. Вот гады!

КОЛЬКА. А ты пойди и спроси.

ДИМОН. Думаешь?

КОЛЬКА. Ну а что, пойди и спроси, что они тут стоят и что хотят?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Скинут, Дима! Ещё как скинут. Зачем этого Гаврилова мне посадили в замы?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Он же чей-то дядя.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Тётя! У меня через полгода пенсия.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Думаешь, отправят? Тебя!? Да ты что!?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Отправят.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Посмотри на них.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Что?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну, на этих двоих рядом с дворником. Смотри, как смотрят. Звери, честное слово!

ВЕРА ПЕТРОВНА. И что!? Тридцать лет! Понимаешь, с утра до ночи! И что я получу?!

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да ладно тебе, может, не отправят.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Вот, Дим, ну где же совесть-то у них?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. У кого?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ну, у этих, из мэрии.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. А что?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Где справедливость!? Ведь тридцать лет - от простой секретарши! Сколько унижения! Они же на меня как на тлю смотрели! Кто я им!? А этот Трушенко.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Кто это?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Заком был.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Такого не знаю.

ВЕРА ПЕТРОВНА. В префектуре. Каждую пятницу к нему, как на работу.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. В каком смысле?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Диванчик у него там был.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ты что?! Спала!?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Квартира нужна была. Как есть... И понимаешь, вот приедут эти из мэрии... эти застройщики, эти всякие. А ведь что... Им всё в ручки там упало. А через что я прошла!

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну ладно тебе, Вер...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Вот воткнут они сюда дом.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну ладно тебе. Пусть втыкают.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Вот воткнут, построят тут эту башню.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну и пусть строят. В первый раз, что ли. Что страшного-то?

ВЕРА ПЕТРОВНА. А то страшно, что они там все на этом что-то получают. А я? Мы? Ничего!

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну да.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Я рискую, понимаешь!?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Как всё-таки они... Ты посмотри, вот тот... уголовники...

Смотрит ещё...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Я вот с ними каждый день. А как с ними, ты же видишь? Что здесь за народ. Это же быдло!

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Здесь квартиры от заводов давали.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Они там сидят в своих кабинетах, они же... а мы... мы тут на передовой. Эти и прирезать могут. Они думают, что эти слушания просто провести - раз и два.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Это да.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Чтобы никто из этих не припёрся, не устроил скандал, шумиху! Они думают, что это всё просто! И понимаешь, вот, я думаю...

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Смотри, вот... этот идёт сюда. И второй за ним.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Вот я думаю, ведь воткнут сюда эту башню, а мне... нам ведь даже не додумаются квартиру дать. Себе-то устроят. Вот...

К Вере Петровне и Дмитрию Сергеевичу подходит Димон. Колька стоит чуть поодаль.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Тебе что?

ДИМОН. Я это, ну, думаю, стоите тут.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну и что, что стоим. Что ты хочешь?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Что вы хотите?

ДИМОН. Я это, я узнал вас. Вы же, это, из управы, да?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Да.

ДИМОН. Вы же главная там, да?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Это глава управы Вера Петровна Синичкина.

ДИМОН. А, ну вот, я и смотрю, что знаю вас.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Что вы хотите? У вас ко мне вопрос?

ДИМОН. Ну, вы тут не просто же так. Стоите тут час уже.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. А стоять нельзя?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Дмитрий Сергеевич, граждане могут поинтересоваться.

ДИМОН. Ну, вот я и думаю, что стоите. Может, чего снести хотите? Может, что построить тут? А не гаражи ли, а?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Гаражи? Дом здесь будем...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Дима! Нет, мы просто решаем вопросы благоустройства. Будем здесь всё благоустраивать.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Благоустраивать?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Да, благоустраивать.

ДИМОН. Вроде, и так хорошо.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Будет лучше. Видите эти кусты, это дерево?

ДИМОН. Яблоня.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ну, яблоня. Старая же, некрасивая. Торчат какие-то коряги. А всё здесь устроим, яблоню эту. Ну, забор тут на время поставим. Ничего особенного. И ничего не будем сносить, не волнуйтесь. Не слушайте никого, успокойтесь.

ДИМОН. А я-то думал, стоите тут, может, что делать будете.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Нет, нет. А если вас что-то интересует — приходите на приём. И сплетням не надо верить! Не надо!

ДИМОН. Ну, ясно. Я-то думал... Спасибо.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Вам спасибо.

Димон и Колька уходят.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Зачем это всё?

ВЕРА ПЕТРОВНА. А ты хотел, чтобы сейчас застройщик и этот главный приехали и тут скандал бы был!? Чтобы эти тут что устроили!? Чтобы меня ещё раньше отправили на пенсию!? Нет, пусть так... Мне ещё дела свои надо сделать. Нет, пусть эти думают, там, про благоустройство, про чушь... А как строить начнут, то, может, и меня тут не будет, да и чего загадывать. Надо сейчас, сейчас, Дима, чтобы всё спокойно было. Этим из мэрии что — они там далеко. А рисковать я буду, а не они.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. А ты думаешь, что Гаврилов?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Будет, он будет... И не думай, что он тебя оставит, понял?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да что ты, Вер, я же с тобой...

БАБА ТАНЯ. А Мишка-то вчера, слышите, бухой был, я говорю.

СОСЕДКА. Бухой, бухой. Не просыхает.

БАБА ТАНЯ. Пьёт. И как с ним Наташка живёт! Сейчас ушла - а он опять бухнёт.

САНЫЧ. Да что вы лясы точите... Ну, выпьет.

СОСЕДКА. Вчера мусор выносил. Я ему: «здрасьте», а он бубнит и несёт от него...

САНЫЧ. Дуры вы.

БАБА ТАНЯ. Сам дурак.

САНЫЧ. Что к мужику пристали? Слушать не хочу.

Саныч встаёт и отходит от них.

СОСЕДКА. А девка его гуляет.

БАБА ТАНЯ. Какая девка? Чья?

СОСЕДКА. Ну, Мишкина.

БАБА ТАНЯ. А! Это да! Неприветливая, гордая.

СОСЕДКА. Да и сынок у него - пустозвон.

Во двор входят Олег Иванович и Петр Юрьевич и направляются к Вере Петровне с Дмитрием Сергеевичем.

БАБА ТАНЯ. Пустозвон. Тоже такой же.

СОСЕДКА. Какой такой же?

БАБА ТАНЯ. Как папашка. И дочка, и сынок - все такие же.

К ним подходит Саныч.

БАБА ТАНЯ. Что тебе, Саныч?

СОСЕДКА. Ты же от нас ушёл. Скучно стало?

САНЫЧ. Как дурами были, так и остались.

СОСЕДКА. А что вернулся?

САНЫЧ. Да вы посмотрите, эти двое тут стояли, а сейчас ещё пришли. Вон, смотрите. Что им тут надо? Затеяли что?

БАБА ТАНЯ. Правда, эти стояли тут с час. И эти ещё, холёные, пришли.

СОСЕДКА. Разодетые, в пиджаках.

САНЫЧ. Нечисто тут, бабы. Затеяли что?

СОСЕДКА. А надо пойти и послушать.

САНЫЧ. Послушать!?
БАБА ТАНЯ. Наш двор.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Здравствуйте.

ЗАСТРОЙЩИК. Здравствуйте.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Рада вас видеть.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Здравствуйте.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Это Олег Иванович - застройщик. Олег Иванович, это Вера Петровна — глава управы. Это...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Дмитрий Сергеевич, зам главы управы.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Ну, что ж, приступим. Так сказать, на месте.

ЗАСТРОЙЩИК. Проект, документы — вы всё знаете?

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Конечно.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Слушания прошли. С нашей стороны вопросов нет.

ЗАСТРОЙЩИК. Я хотел бы сразу сказать, что мне крайне не хотелось бы одного — это каких-то вопросов с жителями.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Ну, нашли о чём волноваться.

ЗАСТРОЙЩИК. Деньги буду я терять. Каждый день простоя — это большие деньги. Я смотрел проект, фотографии. Мои сотрудники здесь уже были. Но смотрите, там вот заезд во двор только один. Жителям явно будет мешать.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Я думаю, что вы не о том думаете. Слушания прошли. Город дал землю. С жителями решим вопрос.

ЗАСТРОЙЩИК. Да, вы решите, а крайним буду я. Вот там въезд только один, перекроют его - и техника не проедет. Вот опять, стройплощадка будет там. Здесь эти деревья, эту яблоню надо убрать, чтобы было место для техники.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Это мелочи.

ЗАСТРОЙЩИК. Да, мелочи. Но мне не нужны проблемы. Я не хочу быть крайним. Вы, Вера...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Вера Петровна.

ЗАСТРОЙЩИК. Вы, Вера Петровна, что об этом думаете?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Жители есть жители. Вопросы могут быть, но они решаемы. Пока проект окончательно утвердят, пока начнётся стройка — все привыкнут. Да и не в первый раз такие вопросы решаем.

ЗАСТРОЙЩИК. Жители знают, что здесь будет стройка?

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Да зачем им знать?

ЗАСТРОЙЩИК. Всё же? Вера Петровна?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Нет.

ЗАСТРОЙЩИК. Вот!

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Почему? Были же слушания! Я думал, что вы...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Вы хотите скандала! Да если они узнают, что здесь будет! Что здесь вырубят все эти деревья, что будет круглый год тарахтеть техника, стоять кран, куча мигрантов под окнами!..

ЗАСТРОЙЩИК. Значит, жители не знают!?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Нет.

ЗАСТРОЙЩИК. А когда узнают?

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Да! Вера Петровна, это для нас важный проект, понимаете! Да ещё на фоне проводимых городом мероприятий, чемпионата мира!

ВЕРА ПЕТРОВНА. Послушайте, мы решали эти вопросы. Всегда решали. Вы думаете, что на Изумрудной так хотели, чтобы там стоял этот дом. Или на Менжинского, или на Молодцова. Решали. Всегда решали. И сейчас решим. И ничего не будет. Я десять лет глава управы. Пока я тут — ничего не случится. Всё решим. Сами решим. Пока я тут.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Решите!?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Решим.

ЗАСТРОЙЩИК. Ну, ясно. А как же с жителями?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Как будто вы сами в первый раз. Не решали таких вопросов?

ЗАСТРОЙЩИК. Решал.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Что спрашивать тогда?

ЗАСТРОЙЩИК. Интересен ваш метод, так сказать.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Метод? Простой метод. Сначала всех успокаиваем, сначала говорим, что ничего не будет. Потом гоним технику.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. И что тогда?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ничего. Делаем так, чтобы не было обратного хода. Но всё равно, ничего не говорим. Они ничего не должны знать до последнего. А как котлован вырыт — тут уже всё - смиритесь. Самое главное — сначала ничего не говорить, а потом быстро зачистить площадку, поставить заборы. Когда вы будете заходить на объект?

ЗАСТРОЙЩИК. Через пару недель.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ясно.

ЗАСТРОЙЩИК. Но надо для начала освободить площадку, где запланировано. Вот эти деревья надо убрать. Надо за две недели сделать подготовительную работу. А вы... вы, Вера Петровна, всё остальное возьмёте на себя. Завтра придут рабочие. Деревья все уже помечены.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Возьму.

ЗАСТРОЙЩИК. Рад был познакомиться, всего хорошего.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Смотрите... без скандалов.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Без скандалов.

Застройщик и Пётр Юрьевич уходят.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Вот так, Дима. Вот так...

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Жёстко ты с ними.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Привыкла уже. Как иначе?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Смотри, теперь дед идёт.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Пошли отсюда.

Вера Петровна и Дмитрий Сергеевич уходят. Их нагоняет Саныч.

САНЫЧ. А я извиняюсь, граждане, а что это вы тут стояли. Что тут будет-то?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Всё тебе дед надо.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Дима, не надо. Благоустройство будет. Сделаем вам газоны, деревья старые вырубим. Новые посадим.

САНЫЧ. И вот эти вырубите?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Вам же сказали, вырубим.

САНЫЧ. И яблоню?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну, вот... что ты...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Старые деревья вырубим, сделаем площадку.

САНЫЧ. Она же цветёт.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да будет ещё лучше. Дед, успокойся! Вер, пошли.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Правда, ничего не будет плохого. До свидания.

К Санычу подходит Соседка и Баба Таня.

БАБА ТАНЯ. И что ты, Саныч, выяснил, а?

САНЫЧ. Газон тут будет, вот что.

СОСЕДКА. Какой газон?

САНЫЧ. Благоустройство, мать их. Вырубят тут всё.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Раннее утро. У яблони на лавочке сидит Миша с гитарой и наигрывает что-то на ней. На заднем плане Сухроб метёт двор.

МИША. Было и прошло, твердит мне время, но ему назло тебе я верю. Верю в майский день, от яблонь белый. Яблонь молодых в твоём саду. Яблони в цвету за мною мчатся, яблони в цвету зимою снятся, вновь издалека плывут в виденьях белые снега цветов весенних. Было и прошло, твердит мне время, но ему назло тебе...

К Мише подходит Сухроб.

СУХРОБ. Миш, что не спишь? Рано же. Лёшка опять гитару забыл свою?

МИША. Не спится мне. Душа болит. Вот здесь болит (*на сердце показывает*).

СУХРОБ. А ты ко врачу иди.

МИША. Они душу не лечат.

СУХРОБ. Сердце лечат.

МИША. И его не лечат.

СУХРОБ. Не понимаю.

МИША. Вот ты, Сухроб, скажи...

СУХРОБ. Ну...

МИША. Вот зачем люди живут?

СУХРОБ. Как зачем?

МИША. Ну, зачем?

СУХРОБ. Для детей.

МИША. А если выросли дети?

СУХРОБ. Для внуков. Ты пил?

МИША. Пил. Немного.

СУХРОБ. Наташа ругаться будет. Ещё и мне влетит.

МИША. На дежурстве она.

СУХРОБ. Ты бы спать шёл.

МИША. Ходил я ко врачу.

СУХРОБ. И что?

МИША. Только не говори никому.

СУХРОБ. Хорошо.

МИША. И Наташке не говори.

СУХРОБ. Хорошо.

МИША. Резать надо. Ну не резать, но вот отсюда (*показывает на ногу*) надо жилу в сердце ставить. Мунтировать, шунтировать, фик их знает. Наташка-то знает.

СУХРОБ. Это так делают? Вот отсюда (*показывает на ногу, а потом на сердце*) а потом сюда? А если не сделают?

МИША. Волноваться, говорят, нельзя, - сердце не выдержит.

Первый и второй рабочие ходят и что-то меряют и носят какие-то инструменты.

МИША. А эти что? (*показывает на рабочих*)

СУХРОБ. Может, что копать будут.

МИША. Ладно...

СУХРОБ. Не выдержит? Сердце? Ранение виновато, та война виновата, да?

МИША. Может, и она.

СУХРОБ. И из-за этого пьёшь опять?

МИША. Да как-то жить мне не хочется.

СУХРОБ. Это ты что?

МИША. А зачем? Жил, любил, воевал, чуть не убило, ранило, в госпитале лежал - откачали. А что это за жизнь вокруг — воруют и крадут. Вот по кусочку всю страну и продали. И зачем воевал, зачем дальше-то жить? Ведь в душу лезут, мочи нет. А, Сухроб?!

СУХРОБ. Это да.

МИША. Лезут они все, ковыряются, мало им. На войне искалечили, так и тут по кусочку всё отнимают. А?

СУХРОБ. Вот вы, русские, народ вроде большой, а как так живёте, не пойму. Как чужие все. Как враги все. Каждый подножку друг другу норовите поставить, обмануть, своровать. Сильные же вы. Какая Россия страна мощная, и в космос Гагарина отправили, и реки плотинами перегораживали, сколько хорошего вы сделали! Гордился, что русский знаю, что детей русскому учу. А сейчас - сами же всё развалили, как батраки живёте, да и вокруг всё развалили. Я вот дворником стал. Из-за вас и стал. Был бы Союз — работал бы учителем. И ничего я понять не могу. Как это вы так — вроде сильные, вроде мощные, вроде такие большие - а всё у вас как-то не так, и живёте бедно, как не на своей земле, как какие-то эти, ну, рабы, что ли.

МИША. Как рабы...

СУХРОБ. Что у вас за жизнь такая?

МИША. Это ты правильно сказал.

СУХРОБ. Что правильно?

МИША. Что не наша эта земля, давно уже не наша, и... страна не наша.

СУХРОБ. А какая?

МИША. Как чужая.

СУХРОБ. Ты иди лучше поспи. А сердце лечи. Жить надо. Вон, чемпионат футбольный начинается. Люди со всего мира сюда едут. Весь город гудит. Только об этом и говорят.

МИША. А что толку от этого чемпионата? Мы как жили своими делами, так и будем жить.

СУХРОБ. Это точно, а ты это, ну, операцию сделай. Жить-то надо.

МИША. Нет, Сухроб. Нет. Не надо меня резать. Хватит. Сколько проживу. Не верю я уже ни во что. Вот видишь (*показывает на яблоню*).

СУХРОБ. Ага.

МИША. Красавица.

СУХРОБ. Цветёт. Я когда утром выхожу, так встану и люблюсь.

МИША. Радость это у меня. Как будто всё как прежде.

СУХРОБ. Её же твой дед посадил?

МИША. Он саженец привёз после войны из Будапешта.

СУХРОБ. Память это. Память. Красивая она!

МИША. Как будто жизнь всё такая же. Стоит она, радует меня. Цветёт. Хорошо!

СУХРОБ. Я пойду. А ты иди спи. Наташа придёт — ругаться будет на тебя.

МИША. Сейчас.

Сухроб отходит и продолжает мести двор. Миша смотрит на яблоню и начинает опять наигрывать песню.

МИША. Яблони в цвету, весны творенье, яблони в цвету, любви круженье, радости свои мы им дарили, с ними о любви мы говорили. Было и прошло, твердит мне время, но ему назло тебе я верю. Верю в майский день, от яблонь белый, яблонь молодых в твоём саду. Яблони в цвету за мною мчатся, яблони в цвету зимою снятся, вновь издалека плывут в виденьях белые снега цветов весенних. Было и прошло, твердит мне время, но ему назло тебе я верю. Верю в майский день, от яблонь белый, яблонь молодых в твоём саду.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Утро. Пустой двор. По двору ходят двое рабочих. На них смотрят Димон и Саныч.

ДИМОН. Фигня это всё - их благоустройство.

САНЫЧ. Точно.

ДИМОН. Неймётся им, с утра пораньше.

САНЫЧ. Вырубят всё.

ДИМОН. Вырубят.

САНЫЧ. Эти шустрые ребята.

ДИМОН. Шустрые.

САНЫЧ. Знаешь, Димон...

ДИМОН. Что?

САНЫЧ. А неспроста они вчера тут с этой делегацией по двору кружили.

ДИМОН. Неспроста.

САНЫЧ. Что-то вы рано? (*рабочим*)

Рабочие не отвечают.

САНЫЧ. Что-то вы рано, говорю.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Работа такая.

САНЫЧ. А делать-то что будете?

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Пилить будем, дед.

ДИМОН. Прямо сейчас?

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. И прямо, и сейчас.

САНЫЧ. Всё это и пилить!?

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Да.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Всё это и пилить.

САНЫЧ. Зачем?

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Зачем? Затем!

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Мы почём знаем. Нам спилить сказали.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Давай, Саш, включай.

Второй рабочий включает пилу. На весь двор слышится рёв бензопилы.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Отойдите, а то на вас свалится что-нибудь.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. С чего начнём.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Давай с крайних. Посрубаем - ребята потом вывезут.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. С яблони.

Во двор из подъезда выходит Миша.

МИША. Саныч, что тут?

САНЫЧ. Рубят.

МИША. Что рубят?

САНЫЧ. Не видишь?

МИША. Эй, что вы там!? Что вы делаете? (*рабочим*)

ДИМОН. Рубят они. Благоустройство тут будет.

МИША. Какое такое благоустройство!?

Рабочие подходят к яблоне.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Ну, давай.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. В какую сторону?

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Вот сюда.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. С неё начнём. А потом с этих.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Хилые. До обеда успеем.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Если эти мешать не будут.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Отгоним.

К рабочим подходит Миша. За ним подходят Саныч и Димон.

МИША. Ребят, вы чего тут?

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Работаем.

МИША. Как работаете? Вы же деревья рубите. Вы же их рубить будете!?

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Будем.

МИША. Зачем?!

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Приказ дали. Задание.

МИША. Какое задание? Кто дал?! Это же наш двор.

ДИМОН. Кто вам задание дал?

САНЫЧ. Начальство лучше знает.

МИША. Кто задание дал?!

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. До обеда не успеем. побыстрее бы...

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Не успеем.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Заводи.

Рабочие включают бензопилу.

МИША. Вы что делаете!? Стойте!
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Отойди! Не мешай.
МИША. Зачем рубить?
ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Задание у нас.
ДИМОН. Какое задание!?
МИША. Покажите! Где документы?
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Документы ему ещё.
МИША. Покажите, а то полицию вызову!
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. А ты кто такой, чтобы тебе что-то показывать!
МИША. Я здесь живу.
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Вот сам и показывай свои документы.
ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Да, паспорт покажи. А то раскомандовался!
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Не мешай, а!
МИША. Сейчас я принесу вам паспорт.
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Ну, вот, и неси.
МИША. Только не начинайте.
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Конечно.

Миша убегает.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Ну, давай.
ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Думаешь?
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. А чего ждать.
ДИМОН. Ребят, ну подождали бы. Чего рубить?
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. От управы задание, понимаешь?
ДИМОН. Ну, понимаю.
ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Она сама, глава эта, сама, понимаешь, распоряжение давала.
ДИМОН. Жалко.
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. У нас работа такая.
САНЫЧ. Благоустройство, и то хорошо.
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Начинай.

Выбегают Миша с паспортом. Рабочие включают бензопилу.

МИША. Вы что!? Стойте!
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Бежит. Давай. Что с ним связываться.
МИША. Стойте.
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Слышишь, блин, вали! Не мешай! Давай, пили.
МИША. Суки!

Миша убегает в подъезд.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Пусть злится.
ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Сам он сука.
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Он у вас что, идейно правильный?
САНЫЧ. Вот такой.
ДИМОН. Ребят, ну что вы...
ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Работа такая.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Вы бы своего сумасшедшего попридержали бы. А то пораним его.

САНЫЧ. Придержим, придержим.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Давай, включай.

Слышится опять звук включённой бензопилы. Рабочие хотят спилить дерево и выбирают, откуда начать.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Отойдите. Упадёт — заденет.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Давай, с этой.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Ага. Давай.

Выбегают Миша с гранатой и пистолетом в руках.

МИША. Отойти! Сказал, отойти!

Рабочие в оторопи смотрят на него и в нерешительности стоят.

МИША. Отойти! Прочь! Слышите! Отойти!

ДИМОН. Во даёт!

САНЫЧ. С ума сошёл! Мишка!

ДИМОН. Ты чего?!

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Чокнутый!

МИША. Отойти! Прочь!

САНЫЧ. Да ты что!? Ну!

ДИМОН. Мишка, арестуют!

Во двор входит Наталья с двумя сумками, видит Мишу, кидает сумки и бежит к нему.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Ничего он не сделает! Да ну его.

НАТАЛЬЯ. Мишка! Брось, Мишка!

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Думаешь? Смотри-ка.

НАТАЛЬЯ. Мишка, брось!

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Начинай. Жена его, что ли?

МИШКА. Стоять! Всем отойти! Наташка, уйди!

НАТАЛЬЯ. Мишка, что ты делаешь!

МИША. Уйди, Наташка! Уйди, говорю!

НАТАЛЬЯ. Мишка! Ты пьяный, Мишка! Ребята! Что с тобой!

МИША. Рубят! Видишь!?

НАТАЛЬЯ. Миша, ну и пусть рубят. Ну и пусть рубят. Ты что! Пошли! Давай же...

МИША. Отойди! Всем отойти!

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Всем отойти (*передразнивает*).

МИША. Считаю до трёх. Слышите, отойти! Отойди, Наташка!

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. В баню иди! Придурок!

НАТАЛЬЯ. Миша, не бери грех! Миша! Ты что, Миша!

ДИМОН. У него настоящее, ребят!

МИША. Раз!

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Да ну...

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Вот ввязались!

НАТАЛЬЯ. Ребята! Настоящая! Он же всех...

МИША. Два!
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Ты чего, с ума сошёл!
НАТАЛЬЯ. Миша! Прошу тебя, Миша! Что ты, сдурел!
МИША. Отойди! Три!

Миша стреляет в воздух.

НАТАЛЬЯ. Дурак, ой дурак! Ой... Вот... Дурак... Ой...
МИША. Отошли. Руки вверх! Все руки вверх!

Рабочие, Димон, Саныч поднимают руки вверх и отходят. Наташа стоит и непонимающе смотрит на него.

МИША. Пилу забрал! Отойди, Наташка! Отойди! Слышишь! Все ушли!

Один из рабочих аккуратно берёт пилу и отходит. Все отходят постепенно подальше от него.

МИША. Ушли отсюда! Слышали!?
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Надо полицию вызвать.
МИША. Вызывай! Ушли отсюда!
НАТАЛЬЯ. Мишка.
САНЫЧ. Сдурел мужик. Точно сдурел.
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ. Что смотришь? Пошли в управу. Пусть сами с ним разбираются.
ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Ну, да. Так и пристрелит.
ДИМОН. И что он так?
НАТАЛЬЯ. Ой...

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Миша стоит, облокотившись о яблоню. Поодаль от него стоят Наталья, с ней Тимофей, Димон, Колька, Лёшка, Дашка, Танька, Соседка, Саныч, Баба Таня. Все между собой что-то обсуждают. Миша ни на кого не смотрит, уставившись в одну точку.

ТИМОФЕЙ. Чего он так, Наташ?
НАТАЛЬЯ. Я не знаю.
ТИМОФЕЙ. Пистолет, граната, угрозы. Дело далеко может зайти, ты понимаешь?
НАТАЛЬЯ. Он не слушает.
ТИМОФЕЙ. Ну, как не слушает. Он что, не понимает?
НАТАЛЬЯ. Не понимает. Не понимает!
ТИМОФЕЙ. Ты понимаешь, что если он не уйдёт..
НАТАЛЬЯ. Понимаю.
ТИМОФЕЙ. Ты понимаешь, что если бы они дошли до кого-то из управы, то сюда бы не я пришёл.
НАТАЛЬЯ. Понимаю я... Ты ему скажи.

ТИМОФЕЙ. А он что!?
НАТАЛЬЯ. Упёрся. Стал тут и не уходит.
ТИМОФЕЙ. Ну, как не уходит? Зачем?
НАТАЛЬЯ. Говорит, что не даст им яблоню срубить.
ТИМОФЕЙ. Сдалась ему эта яблоня!
НАТАЛЬЯ. Сдалась.

САНЫЧ. А он, понимаешь, вот так выскочи с гранатой и как закричи!
БАБА ТАНЯ. Вот сумасшедший! Вот дурак!
САНЫЧ. И кричит им, и угрожает.
БАБА ТАНЯ. Напился, видать. Горячка.
СОСЕДКА. А они?
САНЫЧ. Так они сначала не поняли.
СОСЕДКА. Что не поняли?
САНЫЧ. Думали, что он шутит.
БАБА ТАНЯ. А потом?
САНЫЧ. А потом он выстрелил, так поняли.
СОСЕДКА. У меня прямо стёкла задребезжали. Я уж подумала, что война...
САНЫЧ. Наташка тут прибежала, кричит ему, уговаривает. Работяги эти что-то орут. А он ни в какуюю.
БАБА ТАНЯ. Он, вот, вчера никакой был.
СОСЕДКА. Так и перестрелять спьяну может.
БАБА ТАНЯ. Ой, а тут в девятом доме такой был, так он так и сделал.

ДИМОН. Вот они, ну, эти работяги, всё примеривались, так сказать.
ЛЁШКА. Что примеривались?
ДИМОН. Ну, благоустройство своё.
ТАНЬКА. Спилить, а не благоустройство.
ДИМОН. Ну да.
ДАШКА. На кой им пилить?
ДИМОН. Не знаю, на кой. Но они всё так, да этак. Пилу свою всё включают да включают.
КОЛЬКА. Слышали.
ТАНЬКА. Ты по делу.
ДИМОН. А чего по делу? Они уж начали. А Мишка стоит, глаза стеклянные.
ЛЁШКА. Перепил, пьяный.
КОЛЬКА. Да вроде не пьяный был.
ДИМОН. Вроде не пьяный.
ДАШКА. Ну, так что?
ДИМОН. Ну, он и выскочил, орёт им: «яблоню не трогай!» А они и не поняли. Думают, так он.
ДАШКА. Ну, да, так он с настоящим пистолетом.
ЛЁШКА. Ага, он же... Ну, где он там был?
ТАНЬКА. В Чечне, что ли, или в Боснии.
КОЛЬКА. Кажется, был.
ДИМОН. Да, стрелять-то он умеет.

ЛЁШКА. И что дальше?

ДИМОН. Ну, дальше, так они поняли, что Мишка не шутит - убежали. Наташка запричитала. Уговаривает его, просит его, хочет домой увести. А он и её не подпускает.

ТАНЬКА. Ну да, я из окна видела.

КОЛЬКА. Что на него нашло?

ЛЁШКА. Лишнего он принял.

ТИМОФЕЙ. Надо что-то делать.

НАТАЛЬЯ. Тимофей, миленький. Ну поговори с ним, он тебя послушает.

ТИМОФЕЙ. Но он не слушает.

НАТАЛЬЯ. А ты ещё поговори.

ТИМОФЕЙ. А сама не хочешь, а?

НАТАЛЬЯ. Я боюсь, Тимофей... Помоги...

ТИМОФЕЙ. Тихо всем! Тихо! Сказал, тихо!

Собравшиеся затихают.

ТИМОФЕЙ. Миш, послушай! Давай ты сейчас возьмёшь своё всё это и просто уйдёшь. И как будто ничего не было, а? Миш! Ты слышишь?

НАТАЛЬЯ. Миша! Ну что ты молчишь!?

Наталья делает движение к Мише.

МИША. Стоять!

НАТАЛЬЯ. Миша!

МИША. Стоять, сказал!

ТИМОФЕЙ. Миш, ты понимаешь, во что ты сейчас вляпаешься. Тебя ведь по голове не поглядят. Посадят, понимаешь?

НАТАЛЬЯ. Миша!

ТИМОФЕЙ. Ты о жене подумай! О детях подумай!

МИША. Не подходить!

ТИМОФЕЙ. Если ты сейчас спокойно отсюда уйдёшь, вот, просто уйдёшь, то ничего и не было, как будто ничего не было. Всем показалось. Понимаешь! Я всё возьму на себя, всё улажу!

МИША. И яблоню?

ТИМОФЕЙ. Причём тут яблоня?

МИША. Притом!

НАТАЛЬЯ. Ну что тебе сдалась эта яблоня!

ТИМОФЕЙ. Давай так, ты сейчас спокойно отдаёшь мне это всё и идёшь домой. И всё! Понимаешь, и всё. Ну, вспылел, ну, выстрелил. Всё! Никто ничего не видел и не слышал.

МИША. А яблоня?

ТИМОФЕЙ. Да что ж ты заладил!

МИША. Я отсюда не уйду!

НАТАЛЬЯ. Тебе никого не жалко! Ни меня, ни детей!

ТИМОФЕЙ. Наташа, подожди! Миша, послушай. Ты понимаешь, если ты здесь останешься. Если эти двое... да что там, если сейчас просто сюда кто-то придёт из управы или из жильцов позвонит, то уже будет не что-то. Будет терроризм! Ты понимаешь!?

МИША. Понимаю!
ТИМОФЕЙ. И что!?
МИША. Ничего.
ТИМОФЕЙ. Ты остаток своей жизни проведёшь в колонии. Ты это понимаешь?
МИША. Да.
ТИМОФЕЙ. Ну, я не знаю. Наташ, я не знаю.
НАТАЛЬЯ. Так, ты просто кладёшь свой грёбанный пистолет и эту штуку на землю и идёшь домой! Ты понял? Ты понял!? Что ты молчишь!?
МИША. Не подходи!
НАТАЛЬЯ. Миша, пошли домой, слышишь!?
МИША. Стой! Не подходи!
НАТАЛЬЯ. Тимофей, ну..
ТИМОФЕЙ. Я ничего не могу. Я обязан сообщить. Иначе... Понимаешь... Ну, я обязан. Пять минут. Если он не уйдёт, я буду обязан.
НАТАЛЬЯ. Миша, ты слышал? Тебя посадят! Ты понимаешь!?
МИША. Пусть!
НАТАЛЬЯ. Миша! Ну пожалей меня! Что ты с этой яблоней!?
САНЫЧ. Миш, ну ты что! Ну, выпил! Ну, хватит!
БАБА ТАНЯ. Правда, Миш. Хватит буяннить.
САНЫЧ. Давай, хватит.
КОЛЯ. Мишич, ну что ты на пустом месте.
СОСЕДКА. Да уж! Взбаламутил тут всех.
ДИМОН. Миша, правда..
НАТАША. Миш, пошли.
ТИМОФЕЙ. Миша, я вынужден буду.
МИША. Делай как надо!
ТИМОФЕЙ. Что!?
МИША. Вызывай кого надо! Сообщай кому надо! Я буду стоять здесь!
ТАНЬКА. Да он сдурел!
НАТАЛЬЯ. Миша!
ТИМОФЕЙ. Ты понимаешь, что будет?
САНЫЧ. Вот даёт!
ТИМОФЕЙ. Понимаешь!?
МИША. Я отсюда не уйду!
НАТАЛЬЯ. Миша! Ты сдурел! Ну зачем она тебе. Пусть пилят! Пусть!
МИША. Нет!
ТИМОФЕЙ. Я вынужден, Наташ! Я вынужден.
НАТАЛЬЯ. И никак?
ТИМОФЕЙ. Если он не уйдет.
НАТАЛЬЯ. Миша, ну пошли. Ну что ты. Как же ты не понимаешь!
МИША. Я не уйду!
НАТАЛЬЯ. Ну пошли. Я суп сварю. Картошку пожарим. И пива куплю. Сейчас сбегая и куплю. И что ты там к пиву... Всё куплю. Пошли, а... Ну пошли, Миша! Пошли!
МИША. Нет, Наташа! Нет!
НАТАЛЬЯ. Ну почему!?! Ну почему!?!
МИША. Я не дам её рубить!
НАТАЛЬЯ. Миша, тебе меня не жалко!?! Миша, пожалей! Миша, посадят, убьют, Миша!
ТИМОФЕЙ. Наташ, я..
НАТАЛЬЯ. Тимофей!

ТИМОФЕЙ. Никак. Понимаешь, никак...

НАТАЛЬЯ. Ну, может...

МИША. Я не уйду отсюда.

ТИМОФЕЙ. Ты понимаешь, что если ты не уйдёшь, что, вот, если ты сейчас отсюда не уйдёшь, это будет уже терроризм. Как только об этом узнают выше, узнают всякие телеканалы... Ты понимаешь?

НАТАЛЬЯ. Миша, пошли, а! Пошли!

МИША. Стоять! Не с места! Не подходи!

ТИМОФЕЙ. От десяти до пятнадцати лет! Ты понимаешь!? Они схватятся за тебя. Стоит только начаться. Они всё поднимут: и твою службу, и Чечню, и наличие оружия. Ты так просто не отделаешься, ты понимаешь!?

МИША. Уйди, а! Уходи, Тимыч!

НАТАЛЬЯ. Миша! Ну что ты!?

ТИМОФЕЙ. Я должен. У меня семья, ты понимаешь? Меня тоже посадят, ты понимаешь?

НАТАЛЬЯ. Как же... Ну... Разве...

ТИМОФЕЙ. Я требую немедленно освободить территорию и сдать оружие! Считаю до трёх! После я буду вынужден вас арестовать! Раз, два... Три. Сдайте оружие.

МИША. Не подходи!

ТИМОФЕЙ. Не дури. Сдай оружие. Освободи место.

МИША. Не подходи!

ТИМОФЕЙ. Я тебе...

Миша стреляет Тимофею под ноги. Тимофей отбегает. Наталья в ужасе падает. Народ с криками разбегается.

ТИМОФЕЙ. Ты доигрался! Ты понимаешь!?

МИША. Уходи!

Тимофей отходит в сторону и по телефону сообщает о случившемся. Собравшиеся громко обсуждают. Наталья стоит поодаль от Миши и умоляюще смотрит на него.

ТИМОФЕЙ. Холмогорская 7. Слышите? Холмогорская 7. Вооружённый человек. Внимание, вооружённый человек. Во дворе. Да, вооружён. Стрелял. В меня стрелял. Я организовал эвакуацию населения и держу под контролем. Есть! Жду.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Миша стоит, облокотившись о яблоню. Наташа сидит поодаль, обхватив голову руками. Тимофей стоит поодаль. Народ смотрит на всё издалека. Тишина. Все молчат.

НАТАЛЬЯ. И зачем ты такой уродился? Почему нельзя, как все. Посадят же! Рита только родилась. Малютка ещё - годика не было. Денег нет. Ты не звонишь. Новый год через неделю. Телевизор не смотрю - боюсь новостей. А тут звонок – говорят: ранен, в Ростове лежит, в госпитале. А как ехать? На что? Куда Ритку деть? Не знаю. Приехала туда. Пустили. Лежишь. Весь забинтованный. Голова забинтована. Смотришь на меня. А я думаю, что я не

буду плакать. Специально. Не буду. А не смогла. Отвернулась в сторону и не могу остановиться. Слезы льются и льются, всхлипываю. А ты мычишь, говорить трудно. Доктор такой, седой весь, подошёл так, обнял меня, прижал и говорит: будет он жить, будет. И говорит: герой он у тебя, гордиться ты им должна. А я остановиться не могу, так и реву. Нахлынуло. А доктор так смотрит на меня и спрашивает: дети-то есть? А я говорю: дочка, годика ещё нет. И реву - как вспомнила, что Ритка здесь одна. А доктор, как сжал меня своими ручищами и говорит: и сына ты родишь, и жить будете все вместе, счастливо, долго... А я посмотрела в его глаза и поверила. А через два года Борька родился. Ты мне ещё говорил: не называй так. Спорил. А я хотела. В честь деда, моего деда. И зачем я это всё?.. А надо ли было так жить, страдать, мучиться? Миша, пошли... А когда тебя сюда уже перевезли, думала, как дальше жить? Ты еле ходил, спуститься не мог. Думала, на всю жизнь инвалидом останешься. А потом Борька родился. Ты говорил: ну теперь, Наташка, всё хорошо будет, будем жить и добра наживать. У Ритки бронхит - с детства, задышалась. Ночью не спишь, слушаешь. Чуть что - бежишь к ней. А ты... Я все твои кошмары как свои знаю. Ворочаешься ты ночью, стреляешь, взрываешь, укрываешься... Страшно... А в тот Новый год, когда ты лежал в Ростове, мне там дали койку. Я что-то купила в соседнем магазине, на тумбочке рядом всё поставила, села рядом с тобой. И впервые я видела, как ты плакал. Ты не мог двигаться. Я брала эту маслину, разминала в руках и клала тебе в рот. И как же мне хотелось, чтобы ты жил, чтобы ты был здоров.

Во двор входят полковник и полицейские в бронезилетах, с автоматами, видят Тимофея и подходят к нему.

НАТАЛЬЯ. А Ритка тут сказала, что за границу хочет уехать. Ты слышал? А Борька-то уже какой, ты слышал, какой-то конкурс выиграл. А Ритку не хочу отпускать. А знаешь...

МИША. Пришли.

НАТАЛЬЯ. Что?

МИША. Видишь, пришли. Обсуждают.

НАТАЛЬЯ. Они же не убьют тебя, Миша?

МИША. Не убьют. Не убьют. Ты иди. И Ритке с Борькой скажи, чтобы не лезли. Дома сидите. Я сам.

НАТАЛЬЯ. Как сам!?

МИША. Сам я, сам. Иди.

НАТАЛЬЯ. Нет. Я не отдам тебя!

МИША. Я сам. Иди. Иди домой, сказал.

НАТАЛЬЯ. Тебя же не убьют? Не убьют же!?

МИША. Нет. Иди!

НАТАЛЬЯ. Этого не может быть. Как же так!

Наталья срывается и бежит к Тимофею и полковнику.

МИША. Куда ты!? Стой, дура!..

Миша отходит от дерева, Наталья подбегает к полковнику, разговаривающему с Тимофеем.

НАТАЛЬЯ. Что вы хотите делать? Зачем вы тут? Они зачем?

ПОЛКОВНИК. Кто вы? Кто она?

ТИМОФЕЙ. Это его жена.

ПОЛКОВНИК. Жена!?

ТИМОФЕЙ. Наталья.

ПОЛКОВНИК. Наталья...

ТИМОФЕЙ. Она пыталась его удержать. Но я говорю, он просто с ума сошёл.

ПОЛКОВНИК. Жителей, говоришь, эвакуировал? А они что там стоят?! Болтаешь только! Что они стоят!? А если бы он поубивал тут всех!

ТИМОФЕЙ. Да он не убьёт.

НАТАЛЬЯ. Мишка никого не тронет.

ПОЛКОВНИК. Не тронет... Ну-ну. Быстро всех убрать отсюда! Бери людей и организуй, чтобы никого здесь не было через пять минут.

Тимофей и полицейские уходят и начинают выталкивать людей. Сцена постепенно пустеет.

НАТАЛЬЯ. Он хороший, понимаете. Это яблоня. Я вообще не понимаю ничего. Он никого не тронет. Понимаете.

ПОЛКОВНИК. Никого не тронет...

НАТАЛЬЯ. Он отец, хороший отец, а мебель, знаете, как он хорошо делает. Реставрирует, красит, клеит.

ПОЛКОВНИК. Надышался, что ли, твой?

НАТАЛЬЯ. Нет, нет...

ПОЛКОВНИК. Что же ему взбрело?

НАТАЛЬЯ. Здесь благоустройство будет. Говорят, что благоустройство. Срубить хотят, понимаете?

ПОЛКОВНИК. Что срубить?

НАТАЛЬЯ. Дерево, яблоню.

ПОЛКОВНИК. И что?

НАТАЛЬЯ. Он не хочет.

ПОЛКОВНИК. Что не хочет?

НАТАЛЬЯ. Чтобы яблоню срубили.

ПОЛКОВНИК. Не понимаю.

НАТАЛЬЯ. Говорит, что это его яблоня, что не вы сажали - не вам рубить.

ПОЛКОВНИК. Ну, тоже верно. А ты понимаешь, куда он вляпался уже?

НАТАЛЬЯ. Да.

ПОЛКОВНИК. Оружие, пистолет! Откуда? Стрелял. Стрелял же? Это уже может далеко пойти.

НАТАЛЬЯ. Он, ну, понимаете...

ПОЛКОВНИК. Пистолет у него откуда?

НАТАЛЬЯ. Это с войны. С войны привёз. Давно он у него.

ПОЛКОВНИК. Так, с какой такой войны!?

НАТАЛЬЯ. С чеченской. Служил он там. Грозный брал. Ранило. Военный он, офицер в отставке, понимаете?

ПОЛКОВНИК. Хранение оружия. Знакомо. Это статья. Воевал, контуженный, наверное.

НАТАЛЬЯ. Ранение было, понимаете. Может, вы поговорите. Может, это можно решить.

ПОЛКОВНИК. Решить...

НАТАЛЬЯ. А как ранило его, в Ростов привезли. Полгода там лежал. А я моталась. Тут дочка годовалая с бабушкой - он там. Ходить учился. Да, он не такой как был, понимаете. Но не убивать же его, слышите! Пожалуйста! Я умоляю вас! Не убивайте его! Слышите, не убивайте. Прошу вас.

ПОЛКОВНИК. Прекратить! Что за бред! Никто его убивать не собирается, поняла! Поговорю. А ты стой тут, поняла?

Полковник медленно идёт к Мише.

МИША. Не подходи!

Миша направляет пистолет на полковника.

ПОЛКОВНИК. Опустит. Ближко не подойду.

МИША. Стой!

Полковник останавливается и смотрит на Мишу.

ПОЛКОВНИК. Лет тебе сколько?

МИША. Какое тебе дело?

ПОЛКОВНИК. Жена вон... Дочка, сказала, у тебя. Дети, значит.

МИША. Ну и что.

ПОЛКОВНИК. Думаешь, я боюсь. Вот этой вот штуки боюсь, думаешь. Нет.

МИША. Стоять!

ПОЛКОВНИК. Я не пойду дальше. Опустит.

МИША. Стой!

ПОЛКОВНИК. Давай поговорим.

МИША. Смысл?

ПОЛКОВНИК. Я тоже там был.

МИША. Мне всё равно.

ПОЛКОВНИК. Мне было-то лет двадцать пять... Жена Светка. Только мальчики родились - близнецы. А я горю там, в БМП, и думаю, неужели это всё. И время так растянуто. А по ночам - кошмары. А сколько погибло! А кого-то уже забыл. Забыл! А сколько потом, как ты, вот так — свихнулись, спились, поумирали. Ты бы шёл бы... Домой бы шёл... А пистолет выкини. По дороге выкини... Я найду потом и сдам.

МИША. Нет.

ПОЛКОВНИК. О жене подумай, о детях.

МИША. Нет.

ПОЛКОВНИК. Ведь не пощадят тебя, понимаешь. Эти не пощадят.

МИША. Пусть.

ПОЛКОВНИК. Что ты заладил. Смотри на неё. Она заслужила? Добром не кончится, понимаешь... Ну что тебе сдалось это всё... Ну скажи...

МИША. Сдалось.

ПОЛКОВНИК. Что ты заладил.

МИША. Я не дам срубить яблоню.

ПОЛКОВНИК. Что? Ты о чём!?

МИША. Я не дам срубить эту яблоню.

ПОЛКОВНИК. Яблоню?! Эту!? У тебя... Ты же не пьяный. Что с неё с этой яблони? Ты понимаешь, что тебя сейчас посадят, убьют тебя.

МИША. Я не дам...

ПОЛКОВНИК. Слышал! Что тебе эта яблоня? Объясни. Понимаешь? Ты же не пьяный. Я же вижу. И глаза... глаза не стеклянные... А!? Что ты привязался к этой яблоне? Ну скажи!

МИША. А ты когда там, в БМП, горел...

ПОЛКОВНИК. Что?

МИША. Говорю, когда в БМП горел, ты о чём думал?

ПОЛКОВНИК. Зачем тебе?

МИША. Ну, думал же?..

К полковнику подбегает Тимофей. Полковник видит его и недовольно оборачивается.

ПОЛКОВНИК. Что тебе!?

ТИМОФЕЙ. Эвакуацию провели. Что дальше?

ПОЛКОВНИК. Уйди!

ТИМОФЕЙ. Не понял.

ПОЛКОВНИК. Уйди, сказал!

Тимофей уходит. Полковник ему вслед кричит.

ПОЛКОВНИК. Никого сюда не пускать! Понял? Никого!

Полковник замолчал, потом посмотрел на Мишу.

ПОЛКОВНИК. Думал... думал...

МИША. Скажи, о чём?

ПОЛКОВНИК. Много о чём думал. Но ты знаешь. Задохаться стал, отрубился... Знаешь, я сам не отсюда. С Вичуги я.

МИША. Вичуги?

ПОЛКОВНИК. Под Иваново город такой. Вырос я там. Улица. Тихая улица. Вторая социалистическая... Пацаном я там всё обегал, все дворы, все заборы. Мать там у меня. Одна там живёт. И понимаешь, задыхаюсь, без сознания. И чудится мне, что лежу я там...

МИША. Где там!?

ПОЛКОВНИК. Перед домом. Перед моим домом, на Второй социалистической... Понимаешь? Лежу на траве. А перед домом берёза. Такая большая, раскидистая берёза. И лежу я под ней, а листочки надо мной колышутся, и небо такое голубое. И запах чувствую, запах сена, деревенский... и шорох листьев...

Молчание.

ПОЛКОВНИК. И... я подумал... Я подумал, что если... Нет, я не подумал, мне тогда что-то стукнуло... Что-то, не знаю, как сказать... Я выберусь отсюда... Я выживу... Я вернусь... Понимаешь... Я не подумал. Само где-то в мозгу... Мне захотелось очутиться там, как в детстве, у моего дома... лежа под берёзой...

Молчание.

ПОЛКОВНИК. Зачем ты... об этом зачем?

МИША. А после, после госпиталя... ты там был... домой... ну, вернулся к берёзе...

ПОЛКОВНИК. Я жил этим. Очутиться там... Я мечтал... В госпитале, в Ростове, я закрывал глаза и видел, как наяву...

МИША. Вернулся?

ПОЛКОВНИК. Да. Когда я свернул на улицу, когда увидел свой дом... Ну, ладно... Ладно... Не хочу... Хватит...

МИША. Выслушай...

ПОЛКОВНИК. Что?

МИША. Послушай, полковник.

ПОЛКОВНИК. Да.

МИША. Дед мой, Василием Павловичем звали. Артиллеристом был. Всю войну прошёл. До Будапешта. Всю войну с пушкой. Медали, ордена. А понимаешь, из Будапешта что он привёз? Маленький саженец, понимаешь?

ПОЛКОВНИК. Саженец? Зачем? Живой?

МИША. Дед мне говорил, что хватит с него войны, что он думал, что с собой оттуда взять бабушке моей, ну, жене его. Ткани какие-то купил, ещё что-то. А там рядом, там, в Будапеште, сад яблоневый был. Он два саженца и привёз. Все смеялись, не понимали. А он их сюда привёз, в этот дом. Дом этот перед войной построили, в сороковом году. Вон там, на втором этаже, наша квартира. Дед сюда после войны вернулся. Один саженец прижился. Так и растёт. Дед его до самой смерти выхаживал, оберегал. А потом батя мой. Яблоня уже большая была. Я мальчишкой был. В восемьдесят третьем, вот тут, прямо под этой яблоней, когда батю из Афгана привезли, гроб с ним... Тут всем двором его провожали...А я тут рос. Это мой двор, понимаешь?.. Яблоня моя. Как помню себя — всю жизнь она. Мальчишкой по ней лазил, осенью яблоки срывал, весной любовался. Наташке вот тут в любви объяснялся. И там, той зимой в Чечне, в декабре, я мечтал увидеть её, Наташку увидеть, всех увидеть... Понимаешь, не могу я... Я же всё отдал. Жизнь чуть не отдал... У нас же по кусочку всё отбирали... Сейчас яблоню срубят, потом ещё, потом ещё... а что останется? Ничего! Понимаешь, устал я отдавать. Устал видеть, как отнимают, как душу вынимают. Не могу я больше.

ПОЛКОВНИК. А как иначе?

МИША. Что?

ПОЛКОВНИК. Разве есть выход?

МИША. Смириться? Дать срубить?

ПОЛКОВНИК. А как по-другому?

МИША. А я не могу. Больше не могу. Я мирился там. Я себя убеждал, что так нужно. Ради страны так нужно. Потом здесь. Я всё время отдавал. Отдавал годы, жизнь, детей, близких, всё родное и любимое отдавал, понимаешь!

ПОЛКОВНИК. Понимаю. Но как иначе?

МИША. А если я больше не могу! Если с меня хватит!

ПОЛКОВНИК. Я всё понял. Я понял. Я понимаю, слышишь! Но это не выход. Здесь с этим всем. Это же не война.

МИША. Я не могу иначе уже! По-другому не могу! У меня отнимали, отнимали, отнимали... Я терпел, терпел... Кусочек за кусочком отнимали. Одно за другим. Сейчас яблоню срубят. Затем меня срубят. Они уже всё отняли...

ПОЛКОВНИК. О жене подумай, о детях.

МИША. Я своё пожил. Хватит с меня. Устал подчиняться. Война!? Я им объявляю войну!

ПОЛКОВНИК. Один?

МИША. Да! Никого не пущу. Лягу тут. Пусть стреляют. Подвзорву всех! Не отдам! Ничего больше не отдам.

ПОЛКОВНИК. Но есть же другой выход. Напиши письмо мэру, депутату... Всем напиши.

МИША. Пока писать буду — срубят, по-тихому, по-подлому.

ПОЛКОВНИК. Срубят... Ладно, послушай...

МИША. Да.

ПОЛКОВНИК. Я тоже устал. Душу давит. Сильно давит. Бросить бы всё... Понимаю, понимаю... Постараюсь что-то сделать. Ты глупостей не делай. Тихо тут. Я оцепление

поставлю. Но трогать они тебя не будут, понял? Не будут! А ты — тихо тут.

МИША. Понял.

ПОЛКОВНИК. Тихо тут. Может, уладим. Подниму ребят. Может, спасём. Яблоню спасём.

МИША. Может...

ПОЛКОВНИК. Давай...

Полковник уходит. К нему подбегает Наташа, отталкивая полицейского. За ней Тимофей.

НАТАЛЬЯ. Что? Что он?

ПОЛКОВНИК. Ничего.

НАТАЛЬЯ. Как?

ПОЛКОВНИК. Он не уйдёт.

НАТАЛЬЯ. Его убьют?

ПОЛКОВНИК. Не убьют. Я сказал! Всё будет нормально! Поняла!

Полковник подходит к Тимофею. К ним подходят полицейские.

ПОЛКОВНИК. Слушайте приказ. К нему никого не подпускать. Самого не трогать! Поняли, не трогать и не провоцировать! Жителей не подпускать! Во двор лишних людей не пускать! Поняли! Его не трогать! Не стрелять! Ты идёшь к улице. Ты идёшь к тому подъезду. Тимофей!

Полицейские уходят.

ТИМОФЕЙ. Да!

ПОЛКОВНИК. Ты его знаешь?

ТИМОФЕЙ. Мишку? Да. Мы в школе одной, за углом. Учились там.

ПОЛКОВНИК. Будь с ним аккуратней.

ТИМОФЕЙ. Как?

ПОЛКОВНИК. Потихе с ним. Не надо лишнего. Может, улажу.

НАТАЛЬЯ. Уладите?

ПОЛКОВНИК. Кто его знает. Вечер уже. Застать бы кого надо. Поеду.

НАТАЛЬЯ. Вы поможете?

ПОЛКОВНИК. Не знаю! Не знаю! Поеду... Всё! Застать бы... по телефону им не скажешь...

НАТАЛЬЯ. Кому?

ПОЛКОВНИК. Им.

Полковник уходит.

НАТАЛЬЯ. Тимофей, он поможет?

ТИМОФЕЙ. Он слов не бросает.

Наталя идёт к Мише.

ТИМОФЕЙ. Стой!

Наталя отмахивается.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Поздний вечер. Смеркается. Миша сидит на лавочке у дерева. Наталья рядом. Поодаль от них Тимофей. У подъезда стоят соседи.

МИША. Будет им, что обсудить.

НАТАЛЬЯ. Соседям?

МИША. Ага. И телешоу не надо.

НАТАЛЬЯ. Они тебе уже все косточки перемыли.

МИША. Перемыли.

НАТАЛЬЯ. Ничего они не знают.

МИША. Они-то... Может, и не знают. Пью я — значит, алкаш. Всё у них просто. Без заковырок... Они все честные и порядочные... Я, вот, такой...

НАТАЛЬЯ. Брось. Что с них...

МИША. Вот так. В горле пересохло.

НАТАЛЬЯ. Ой... Я сейчас... Слушай, а давай я сейчас разогрею. Ты котлету будешь? И картошку с лучком, да?

МИША. Да. Воды...

НАТАЛЬЯ. И воды... Сейчас.

МИША. Да, и Тимошке принеси. Смотри, как куксится.

НАТАЛЬЯ. Да, да...

Наталья убегает. Видя, что Наталья уходит, соседи оживились. Саныч подходит.

САНЫЧ. Мишка, и что, целую ночь тут будешь?

МИША. Да.

Тимофей видит Саныча и кричит ему.

ТИМОФЕЙ. Саныч, уйди!

САНЫЧ. Да ты не шуми. Дай поговорить.

ТИМОФЕЙ. Саныч, нельзя.

САНЫЧ. Да ну.

МИША. Саныч, правда.

Во двор входят Вера Петровна и Дмитрий Сергеевич. Полицейский их не пускает, но они пытаются пройти. Тимофей замечает их и идёт к ним.

САНЫЧ. Так ты тут замёрзнешь. Я когда вот, ну, пришлось мне охранять...

ТИМОФЕЙ. Саныч, иди...

САНЫЧ. Куда это он?

МИША. Пришли.

САНЫЧ. А... К тебе... Ну, я пойду... Хотя, вот честно, не понимаю я... Ну зачем тебе всё это сдалось? Ну... Я, вот, всё думал, думал... Ну зачем?.. Тебе что надо? Что?.. Ну, я же тебя знаю. Я же тебя знаю... Ну... Ты что скрываешь?.. Ну не верю... Ну, яблоня... ну, жалко... Ну что?.. Ну что?.. Я понять не могу... Ну объясни... Ну...

МИША. Иди ты. А то и тебя к террористам причислят.

САНЫЧ. Да и пусть причисляют. Ну их... Ну, я понять не могу. Ну что тебе, больше всех надо!? Что тебе не живётся!? Ну скажи, что ты хочешь?

МИША. Не живётся...

САНЫЧ. Как так?

МИША. Так.

САНЫЧ. Нет. Не понимаю. Ну всё-таки...

Вера Петровна, Тимофей, один из полицейских и Дмитрий Сергеевич подходят к ним.

ТИМОФЕЙ. Саныч!

Саныч уходит.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Что здесь происходит?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Кто вы такой? Вы понимаете, что вы творите!?

ТИМОФЕЙ. У него пистолет и граната.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Что!?

МИША. Смотри.

Миша показывает гранату.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Как... Вас, Тимофей, как там... Вы же... Это же преступление, террорист! ФСБ надо вызвать. Срочно! Вызвали уже!? Он же сумасшедший, он же здесь всё разнесёт.... Вера Петровна, я не понимаю, что мы здесь делаем. Вера Петровна... Вера...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Остановись. Вы можете нас оставить здесь?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Как здесь?

ТИМОФЕЙ. Вера Петровна, я никого не должен пускать. Я уже...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Вы можете оставить меня здесь одну? Здесь одну... Можете...

ТИМОФЕЙ. Я не имею права.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Оставьте нас здесь одних! Я прошу!

ТИМОФЕЙ. Ну...

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Вера...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Уйдите!

Дмитрий Сергеевич и Тимофей нехотя уходят.

ТИМОФЕЙ. Смотрите... Вы сами...

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Не понимаю.

Вера Петровна молчит и смотрит на Мишу.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Я давно тебя не видела. Лет семь. Может, восемь.

МИША. Наверное.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ты изменился.

МИША. Наверное.

ВЕРА ПЕТРОВНА. И зачем всё это? Не навоевался?

МИША. А тебе что?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ты ничего не понимаешь. Уже все знают.

МИША. И что?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Всё серьёзно.

МИША. За себя боишься?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Боюсь, за себя тоже боюсь!

МИША. Бойся.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Зачем, тебе это всё. Что ты за человек!?

МИША. Я?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ты, ты...

МИША. А зачем рубить.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Да пропади пропадом это дерево!

МИША. Нет.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ты, правда, с ума сошёл!

МИША. А помнишь, девятый класс, и мы под этим деревом. Майский вечер и твой поцелуй. Ты читала стихи.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Вспомнил.

МИША. А уже после школы... мы сидели здесь, и ты говорила, что будешь ждать меня из армии. А я вернулся и...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Я была глупой.

МИША. Это я был глупым.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Зачем ты это говоришь?

МИША. Ты стала другой.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Не я — время другое.

МИША. Тогда ты говорила: «наша яблоня», когда мы тут прятались. Твой отчим всматривался во двор вон оттуда, искал тебя. А мы тут прятались.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Я не хочу это больше слышать.

МИША. Я не держу. Иди.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Уйди отсюда. Прошу тебя. Не делай глупостей. Скоро уже ничего поправить будет нельзя. Ты понимаешь?

МИША. Думаешь?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Уйди отсюда. Прошу тебя!

МИША. Боишься!?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Да, боюсь! Мне не так просто всё доставалось.

МИША. А другим просто!?

ВЕРА ПЕТРОВНА. А другим просто!

МИША. Ну да.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ты не понимаешь. Завтра в городе будет футбольный матч! В городе тысячи туристов! Такого ничего не допустят.

МИША. Пусть.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ты не понимаешь. Через несколько часов тебя просто схватят, посадят, засудят. И никто ничего не будет знать.

МИША. Ты сама говоришь, что все уже знают.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Знают. Но не дадут знать другим. Никому не нужно омрачать этот матч.

МИША. Приедут журналисты.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Журналисты! Приедут! Они выдадут тебя за сумасшедшего в лучшем случае. Они переврут все твои слова... Ты ничего не добьёшься. Ты сделаешь только хуже всем! Вон идёт...

МИША. Что!?

К ним подходит Наталья.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Своей сделаешь хуже. Детям хуже. Всем.

МИША. Я не уйду!

ВЕРА ПЕТРОВНА. И мне сделаешь хуже.

МИША. Тебе?

ВЕРА ПЕТРОВНА. А я не остановлюсь! Я не дам! Слышишь!

НАТАЛЬЯ. Здравствуйте.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Понял. Уходи лучше!

Вера Петровна уходит к Дмитрию Сергеевичу и что-то ему говорит. Потом они оба уходят. Тимофей остаётся поодаль от Миши и Натальи.

НАТАЛЬЯ. Это кто?

МИША. Глава управы.

НАТАЛЬЯ. Что она?

МИША. Всё то же.

НАТАЛЬЯ. Перед чем она не остановится?

МИША. Передо мной.

НАТАЛЬЯ. Миш, а пошли домой, а? Пошли?

МИША. Ты принесла?

НАТАЛЬЯ. Принесла. На, вот, пей. А я сейчас разложу.

МИША. А Ритка где?

НАТАЛЬЯ. Рвётся к тебе.

МИША. И что?

НАТАЛЬЯ. Не пускаю.

МИША. А Борька когда со смены придёт?

НАТАЛЬЯ. Их магазин до девяти.

МИША. А Ритку почему не пускаешь?

НАТАЛЬЯ. Зачем, зачем! Чтобы её вместе с тобой прибили тут!? Миша, ну куда ты влез!

МИША. Не могу, не могу я иначе.

НАТАЛЬЯ. Ну, другие живут. Тебе-то зачем? Ты-то что!? Ну!

МИША. Не могу больше, не могу, понимаешь! Ну пойми ты меня!

НАТАЛЬЯ. Не понимаю!

МИША. Устал я терпеть! Устал.

НАТАЛЬЯ. Что терпеть-то!?

МИША. Жизнь эту!

НАТАЛЬЯ. Какую, Миша?

МИША. Когда у тебя кусок за куском тебя самого отнимают, когда душу твою выворачивают!

НАТАЛЬЯ. Не понимаю, Миша...

МИША. А...

НАТАЛЬЯ. Ты ешь... Ешь... Ты голодный... Ешь...

МИША. Всё ведь отнять хотят...

НАТАЛЬЯ. Ешь, ешь... Молчи...

Свет гаснет.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Уже темно. В окнах горит свет. Горят фонари. У дерева сидит Миша. Рядом с ним Наталья, Борис и Рита. Поодаль сидит Тимофей. Миша пьёт из термоса.

БОРИС. Вот каждый раз, каждый раз какая-то история. А по-другому, по-нормальному в нашей семье нельзя!

РИТА. Ладно тебе.

БОРИС. Вот, надо обязательно взяться за пистолет, за гранату! У нас не война тут, отец!

НАТАЛЬЯ. Боря!

БОРИС. Война уже кончилась!

РИТА. Боря!

БОРИС. Да что вы тут все: «Боря», «Боря»!

РИТА. Да ты тут у нас умный самый!

БОРИС. Да, умный! Я не лезу в такие истории. Это отец у нас любитель правду-матку всем говорить.

РИТА. А ты?

БОРИС. А надо аккуратно, надо правильно, надо по закону!

РИТА. Как ты?

БОРИС. Да, как я!

РИТА. Станешь директором магазина электроники.

НАТАЛЬЯ. Хватит вам!

БОРИС. Стану!

РИТА. Дурак.

БОРИС. Это я дурак!? Я смотрю, что это вы тут все...

РИТА. Кто мы?

НАТАЛЬЯ. Ладно вам.

БОРИС. Это вы тут с ума посходили!

РИТА. А что ты предлагаешь?

БОРИС. Не знаю. Не знаю. Домой пойти. Слышишь, пап?

МИША. Что?

БОРИС. Ну, поигрался, пошли. Ну пошли. Ну что ты... Завтра будет видно. Ну что ты...

МИША. Завтра они всё срубят.

БОРИС. Ну почему ты так решил. Ведь посадят тебя! Граната, пистолет, ты понимаешь?!

МИША. Понимаю.

БОРИС. Так будешь сидеть тут всю ночь?! Мам, ты слышала? Ну ты-то что?

МИША. Я буду здесь. Я не уйду. Всё!

БОРИС. Ну, не знаю... Ты всегда всем создаёшь проблемы!

НАТАЛЬЯ. Боря!

БОРИС. А что! Ну скажи, что не так!?

НАТАЛЬЯ. Не разговаривай так!

БОРИС. А почему не так!? Вспомни. Предлагали ему хорошее место в милиции - отказался. Предлагали ему новую квартиру — отказался. Да рук не хватит, чтобы всё перечислить. А сейчас это... Да тебя сейчас схватят, засудят - и будешь сидеть как миленький. А у меня будет отец-преступник.

НАТАЛЬЯ. Борис!

БОРИС. А что! Что не так!?

МИША. Я не преступник.

БОРИС. Ты это им скажи!

МИША. Придут — скажу. Это моё решение. Я не меняю решений, поняли!

БОРИС. Да уж...

НАТАЛЬЯ. Не надо. Мы все устали. Что есть — то есть.

БОРИС. Я вижу, что есть! Что дома жить не хочется.

МИША. Что!?

БОРИС. Противно. Весь двор знает, что... Не скроешь... Тебя противно видеть, когда пьёшь... Были бы деньги, снял бы квартиру, уехал бы от вас всех.

РИТА. Ну и ехал бы.

НАТАЛЬЯ. Сынок.

МИША. Я не пью.

НАТАЛЬЯ. Да ладно тебе.

МИША. Иногда.

НАТАЛЬЯ. Сынок, пошли лучше. Голодный. Я тебе согрею. Пошли.

МИША. Бывает иногда. Бывает. Ну...

РИТА. Дурак! (*Борису*)

НАТАЛЬЯ. Не надо.

БОРИС. Где я живу!?

НАТАЛЬЯ. Сынок, пошли.

Наталья и Борис уходят. Борис что-то импульсивно говорит Наталье. Миша сидит в задумчивости. Рита садится к нему поближе.

МИША. Пьют слабаки.

РИТА. Он не специально.

МИША. А я не слабый.

РИТА. Нет, папа, нет.

МИША. Пьют от безысходности. Понимаешь, дочка? От безысходности.

РИТА. Да он ещё маленький.

МИША. Понимаешь, а что я могу? Ничего. Жизнь свою поменять не могу. Исправить что-то, сделать лучше, хорошо — не могу.

РИТА. Он не со зла.

Миша гладит Риту по щеке.

МИША. Я не о том. Когда ты родилась, меня отправили в Чечню.

РИТА. Может, не надо. Опять тебе тяжело будет.

МИША. Меня отправили туда. Быстро всё было. А разве мог я не поехать? Разве мог я отказаться? Не мог. Не мог! Да тогда я и не думал об этом. Долг! Обязанность! Понимаешь! Нас молодых сопляков, которые ещё ничего не понимали в этой жизни, бросали туда. Что мы знали, что мы умели? Умирать и то не умели. Сейчас всё это забыто. А я думаю — за что они все там гибли?! За Родину? Можно ли было по-другому! А многие, с кем я там был, могли бы сейчас жить, растить детей... А я, вот, живу. А для чего?

РИТА. Для нас живёшь. Надо жить.

МИША. А не для чего. Там всё решали за тебя. А ты только мог выжить. Если повезёт. А здесь! Сейчас! И понимаешь, тогда... Понимаешь, тогда была надежда! Я верил в то, что заживём! Что всё это переживём, что раздавим бандитов. Пусть так, пусть такой ценой... но раздавим, зато потом... Потом мы будем жить! Как люди жить! Понимаешь, надежда была! Верилось! А сейчас её нет.

РИТА. Чего нет?

МИША. Надежды нет. Только теряешь. Жить не хочется. Всё теряешь.

РИТА. Что теряешь?

МИША. Веру теряешь, надежду теряешь... себя теряешь.

РИТА. Ну нет... Ну что ты.

МИША. Там было холодно. Меня несли на носилках к вертолету. Я как во сне всё это видел. И я думал, что где-то здесь, вот в этом доме спишь ты. Я видел комнату... горячие батареи... И я думал: как ты будешь жить... что ты будешь знать обо мне... ты же меня не будешь вообще знать, если я там умру. Так хотелось, чтобы ты росла, чтобы ты была рядом, чтобы ты меня хоть немного запомнила, увидела, полюбила, поняла...

РИТА. Папочка, ну что ты...

МИША. А пью я не от слабости... От безысходности, я ведь ничего в этой жизни не сделал... воевал, воевал...

РИТА. Ну почему не сделал?..

МИША. А сколько я мог бы сделать... Сколько бы всего... Думаешь, спятил я?

РИТА. Нет!

МИША. Вот понимаешь, какая это радость, когда ты что-то своими руками делаешь. Не разрушаешь, а создаёшь. Вот привозят тебе ужасные деревяшки. Ты смотришь на них - и, вроде, выбросить их уже можно. А день за днём, день за днём, и своими руками возрождаешь то, что другие, то, что время уничтожило.

РИТА. Я знаю

МИША. Ладно. А ещё я хочу хоть что-то сделать, хоть что-то защитить! Уберечь! Спасти! Я когда закрываю глаза, всё это приходит ко мне.

РИТА. Что?

МИША. Что там видел. Я думал, что забыл уже, что не помню. Я бы и хотел забыть... Я не хочу разрушать. Не хочу убивать! Это страшно... Но что от меня зависит? А получается - ничего. Кто-то придёт - втихаря и срубит дерево... Потом кто-то придёт - втихаря и залезет к тебе в душу, выкорчует там всё живое. Постепенно, понимаешь, шаг за шагом. Вот они срубят яблоню - вроде мелочь. Ничего страшного, всего лишь дерево. А потом так же они сделают ещё одну гадость — вроде мелочь, вроде ничего страшного. И так всё постепенно... А ты молчи, ты сиди, ты подчиняйся. А я не могу, дочка, больше не могу. Если я не спасу это дерево, то зачем мне жить. Пойми! Только тебе могу сказать прямо. Если уберегу яблоню, то, значит, могу я что-то сделать, могу. Хоть что-то убереечь могу.

РИТА. А если срубят?..

МИША. Они не срубят! Видишь её (*показывает на гранату*). Я не уйду отсюда. Я не могу! Я должен! Я хочу себя уважать!

РИТА. Но ты один. А их всех много.

МИША. Много.

РИТА. И как же?..

МИША. А в Чечне я тоже был один... по сути, один...

РИТА. Всё равно.

МИША. Пусть буду один.

РИТА. Ведь никто не встанет на защиту, понимаешь? Вот все они... Им же ничего не нужно.

МИША. Не встанут.

РИТА. Ну и зачем тогда, зачем!?

МИША. Я хочу себя уважать! Понимаешь, уважать...

РИТА. Я не хочу тебя терять. Я всегда боялась, что ты уйдёшь...

МИША. Куда уйду?

РИТА. Что на войну уйдёшь, что другую маму найдёшь...

МИША. Дурочка.

РИТА. Я хочу, чтобы ты долго жил. Я люблю тебя, папа.

МИША. Маленькая ты.

РИТА. Я останусь здесь с тобой. Я буду рядом с тобой, слышишь!

МИША. Нет, нет!

РИТА. Почему?

МИША. Не надо. Я не имею права тебя вмешивать. Это мой бой.

РИТА. Почему?

МИША. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

РИТА. Но, может, я тоже хочу себя уважать. Может, я тоже хочу спасти яблоню! Может, я тоже не могу без этого дерева! Может, оно тоже для...

МИША. Не надо.

РИТА. Почему не надо?

МИША. Всё это страшно, что я видел, — это страшно. Если вдруг, ну, понимаешь, если вдруг... ты посади новое дерево. Новое...

Во двор входят Лёшка с гитарой, Дашка и Танька. Танька заводит разговор с полицейским и отвлекает его, пока Лёшка и Дашка проходят во двор и подходят к Тимофею.

РИТА. А тогда же как?

МИША. Как?

РИТА. Одному же не выстоять против всех.

МИША. А у нас всегда так, дочка, один и против всех.

РИТА. Мне страшно. Может, пойдём домой, а? Да ну эту яблоню. Мы же есть, я есть. Я люблю тебя, слышишь? Пойдём.

МИША. Не могу.

РИТА. Почему, папа? Почему?

МИША. Это же не яблоня - это я, это моя жизнь, моя память, моя родина, мои близкие.

РИТА. Всё равно не понимаю.

МИША. Потом поймёшь.

РИТА. Я не уйду. Я буду с тобой.

К Рите и к Мише подходит Тимофей и за ним, поодаль, Дашка, Танька, Лёшка с гитарой.

ТИМОФЕЙ. Ты бы, Мишка, не особо тут.

МИША. Что не особо?

ТИМОФЕЙ. Ну, Наташка твоя, дети твои.

МИША. И что?

ТИМОФЕЙ. Не положено. Вон, на входе, видишь, стоят, прописку проверяют, не пускают.

МИША. Ну, а я что?

ТИМОФЕЙ. Скажут, что я к тебе всех пускал.

МИША. Ну и пусть говорят.

ТИМОФЕЙ. Но всё-таки... Вон, видишь, и эти тут шастают.

Танька, Дашка и Лёшка подходят ближе.

ЛЁШКА. А мы не шастаем. Говорит тут.

ТАНЬКА. Да, Тимофей, это ты тут...

ДАШКА. Да ладно вам, он на службе.

ТИМОФЕЙ. На службе я.
ТАНЬКА. Какой такой службе!?
ЛЁШКА. Да!
ТИМОФЕЙ. Я участковый! На службе я.
ТАНЬКА. Это мы знаем.
РИТА. А на службе кому?
ТИМОФЕЙ. Как кому!?! Государству!
ТАНЬКА. Государству (*передразнивает*).
ЛЁШКА. Ну-ну.
МИША. А народ?
ТИМОФЕЙ. Какой народ?
МИША. Мы все.
ТИМОФЕЙ. Ты про что?
МИША. А нам служить не хочешь?
ТИМОФЕЙ. Да ну тебя. Не понимаю я.
ТАНЬКА. Ну, конечно. Ты его о чём-нибудь посложнее спроси, Мишка.
ТИМОФЕЙ. Я на службе. А вы тут тихо. Итак из-за тебя, Мишка, проблемы.
МИША. А лучше без проблем?
ТИМОФЕЙ. Лучше.
ТАНЬКА. Иди, служи дальше.
ТИМОФЕЙ. Разгоню я вас сейчас!
ДАШКА. Да ты не слушай, Тимофей.
ТИМОФЕЙ. Шантрапа.

Тимофей уходит.

ДАШКА. А тебе не холодно тут? (*Мишке*)
МИША. Ну, так.
ТАНЬКА. Не хочешь? (*Танька достаёт бутылку спиртного*)
МИША. Нет.
ЛЁШКА. Ты даёшь!
ТАНЬКА. Правда.
ДАШКА. Давно ли так?
ЛЁШКА. Для сугреву.
МИША. Не хочу.
ЛЁШКА. Странно.
ДАШКА. Он яблоню стережёт. Человек на задании.
ЛЁШКА. Интересно, и что ты к ней пристал?
ТАНЬКА. Что тебе сдалась эта яблоня?
ЛЁШКА. Ну, росла и росла. Ну, не будет расти.
РИТА. А лучше, чтобы не росла?
ЛЁШКА. Нет, ну не знаю...
ТАНЬКА. Мне вообще всё равно. Я к себе в квартиру шасть - и чихать мне на всех.
ДАШКА. Ладно тебе, Танька, у человека, может, какая идея.
ЛЁШКА. Идея! Идеальный!
РИТА. Шли бы вы!
ЛЁШКА. А может, мы эту идею понять хотим. Наш же двор? Наш! И яблоня наша! Вот мы и понять хотим.
ДАШКА. Да ладно, Лёшка, что тебе понимать то...

ЛЁШКА. Нет, я вот хочу понять. У него же, видишь, вот... (*Лёшка берёт гранату*)

МИША. Дай сюда.

ЛЁШКА. Граната...

Танька и Дашка отскакивают.

ТАНЬКА. Пить ему меньше надо.

ДАШКА. Лёшка, отдай гранату, слышишь!?

ТАНЬКА. Зачем взял!

Миша выхватывает гранату и прячет.

МИША. Это тебе не игрушки.

ЛЁШКА. Да, чего... граната.

Танька и Дашка возвращаются обратно.

ДАШКА. Мишка, ну скажи по-человечески, ну что ты? Первое дерево, что ли, рубят. Ну что ты за него схватился.

ЛЁШКА. Правда!

ТАНЬКА. Ведь ещё привлекут куда. Наташка твоя будет переживать.

ДАШКА. Нам проблемы устроил — во двор не войдёшь.

ЛЁШКА. Правда!

ТАНЬКА. Может, оно золотое?

ЛЁШКА. Кто?

ТАНЬКА. Яблоня.

ЛЁШКА. Правда?

ДАШКА. Правда, перепил. Надо его домой отвести.

ТАНЬКА. А я про что.

ЛЁШКА. Правда, что!?

ДАШКА. Ну, Мишка, скажи!

РИТА. Что пристали!

ТАНЬКА. Ты, Ритка, ты... ну надо же нам знать...

РИТА. Много вам надо знать...

МИШКА. Не могу я иначе. Человеком хочу остаться.

ТАНЬКА. А кто же ты!?

ЛЁШКА. Правда?

ТАНЬКА. Вот заладил.

МИШКА. Человеком хочу быть. И им остаться хочу.

ДАШКА. Мишка, а яснее! Вроде не пил ты.

МИШКА. Совесть тут моя, чувства мои...

Из подъезда выходит Наталья и идёт с теплыми вещами к Мишке.

ТАНЬКА. Какие такие чувства, какая такая совесть?

МИШКА. Моя совесть, мои чувства, понимаешь?

ТАНЬКА. Не понимаю я. Езжай в парк — там полно деревьев.

ДАШКА. Точно.

РИТА. Дуры вы обе.

МИША. Бой у меня. Бой! Злу и мерзости бой я даю, оккупантам, кто отнял у меня всё!

К ним подходит Наталья и протягивает вещи Мишке.

НАТАЛЬЯ. Оденься. Ночью холодно. И ты, Рит, на, накинь.

ДАШКА. Причём тут оккупанты и причём тут яблоня?

НАТАЛЬЯ. Вы про что?

ЛЁШКА. Правда?

ТАНЬКА. Он говорит, что бой он даёт.

НАТАЛЬЯ. Бой!?

ДАШКА. Оккупантов каких-то выгоняет.

ТАНЬКА. Бой злу, жестокости, мерзости...

МИШКА. Бой трусости и неспра... несправедливости, равнодушию...

ДАШКА. Загнул.

МИШКА. Ведь вокруг оно это всё — насилие, жестокость, несправедливость, понимаете? Сейчас пройдёшь мимо, завтра — мимо, не обратишь внимания, пропустишь, сделаешь вид, что не заметил, а потом? Потом это всё ближе и ближе к тебе подступает.

ТАНЬКА. Что, тебе плохо живётся, Мишка? Ну что ты строишь из себя этого, как его там...

ДАШКА. Дон-Кихота!

ТАНЬКА. Вот-вот... Борец!

ДАШКА. Пойдём, оттащим нашего...

ЛЁШКА. Правда!?

ТАНЬКА. Он уже совсем никакой.

ДАШКА. Пошли. (*Лёшке*)

ЛЁШКА. Правда!?

ТАНЬКА. Понесли. Раз, два, взяли.

Танька и Дашка подхватывают Лёшку и удаляются к подъезду.

ТАНЬКА. Шёл бы ты домой, Мишка!

ДАШКА. Да, добром ведь не кончится.

Наталья, Мишка, Рита молчат. Дашка, Танька, Лёшка удаляются. Лёшка позабыл гитару.

НАТАЛЬЯ. Борьку покормила.

МИША. Покормила?

НАТАЛЬЯ. Да, суп, рис, котлеты.

МИША. Хорошо.

НАТАЛЬЯ. У себя телевизор смотрит. Может, и ты?..

РИТА. У них Дон-Кихот как ругательство!

НАТАЛЬЯ. Гитару оставили.

РИТА. Придурки.

НАТАЛЬЯ. Рита!

РИТА. Слышала бы ты их.

МИША. Потом поймут. Дай-ка мне гитару.

Рита передаёт отцу гитару.

РИТА. Ничего они не поймут.

МИША. Поймут. Никуда не денутся.

РИТА. Всё равно.

МИША. Люди не хотят верить в то, что есть. Здесь в Москве была мирная, спокойная жизнь. А там, в Чечне, было по-другому. И здесь люди не понимали, что может быть по-другому. Жизнь заставит понять. Жизнь скажет, кто прав, кто виноват.

НАТАЛЬЯ. А мне от этого не легче.

МИША. Я уже не могу иначе.

НАТАЛЬЯ. Бой!?

МИША. Да, бой.

РИТА. Ты хочешь спеть?

МИША. Захотелось.

Миша начинает наигрывать на гитаре и петь. Звучит песня на стихи Юрия Левитанского и музыку Виктора Берковского «Ну что с того, что я там был».

Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я всё забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.

(Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недалёк.
Я лёд кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лёд —
я в нём, как мушка в янтаре.)

Но что с того, что я там был.
Я всё избыл. Я всё забыл.
Не помню дат. Не помню дней.
Названий вспомнить не могу.

(Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня
И пламя гильзы в блиндаже.)

Но что с того, что я там был,
В том грозном быть или не быть.
Я это всё почти забыл.
Я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне —
Она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
Дрожит на скулах у меня.

(Уже меня не исключить

Из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
От той зимы, от тех снегов.
И с той землёй, и с той зимой
Уже меня не разлучить,
До тех снегов, где вам уже
Моих следов не различить.)

Но что с того, что я там был!..

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Ночь. У яблони сидят Наталья и Миша. Миша обнял Наталью. Поодаль спит Тимофей.

НАТАЛЬЯ. Все спят.

МИША. Ночь.

НАТАЛЬЯ. А у Дашки свет горит.

МИША. Не спит она.

НАТАЛЬЯ. Два часа уже.

МИША. Ну да. Смотри.

НАТАЛЬЯ. Что?

МИША. У нашего Борьки тоже свет горит.

НАТАЛЬЯ. Не спит.

МИША. С Риткой спорит, глядишь.

НАТАЛЬЯ. Разные они.

МИША. Да нет.

НАТАЛЬЯ. Разве?

МИША. Обычные они, наши.

НАТАЛЬЯ. Характеры разные.

МИША. Борька просто приспособиться хочет.

НАТАЛЬЯ. Это как же?

МИША. Хочет играть по правилам. И что-то получить.

НАТАЛЬЯ. От кого?

МИША. От жизни.

НАТАЛЬЯ. А Рита?

МИША. А у неё, скорее всего, свои правила.

НАТАЛЬЯ. Думаешь?

МИША. Да.

НАТАЛЬЯ. И кто из них?..

МИША. Да тут, понимаешь, каждый из них в чём-то прав. Только я, вот, понимаю, что если играть по чужим правилам, то можешь и проиграть.

НАТАЛЬЯ. Почему же?

МИША. Их могут поменять, а подстроиться под новые правила может не получиться.

НАТАЛЬЯ. А если жить по...

МИША. А если жить по своим правилам, то, как сказать, ну, их тоже можно менять, это не

исключено, но, скорее всего, ты их не будешь менять, если будешь верен себе.

НАТАЛЬЯ. И что?

МИША. Да нечего, просто выбирая свой путь, какой бы он ни был, и как бы тяжело тебе ни было, и каким бы трудным он ни был — у тебя больше шансов и человеком остаться, и победить.

НАТАЛЬЯ. Философ ты.

МИША. А, вот, Борька обожжётся. Таким, как они, он не станет. Он же наш. А таких сильнее всех и бьют.

НАТАЛЬЯ. Почему?

МИША. Он хочет подстроиться, а всё равно не подстроится - просто сломается.

НАТАЛЬЯ. А чтобы он не сломался?

МИША. Он должен быть таким, как они.

НАТАЛЬЯ. А если он станет таким, как они?

МИША. Не станет.

НАТАЛЬЯ. Почему?

МИША. Мы не дадим.

НАТАЛЬЯ. А если он сломается?

МИША. Мы поможем.

Молчание.

НАТАЛЬЯ. Как хорошо!

МИША. Свежо.

НАТАЛЬЯ. Конец весны.

МИША. Я люблю это время.

НАТАЛЬЯ. Ну да.

МИША. Скоро будет светать.

НАТАЛЬЯ. Светать?

МИША. Ну да. Видишь?

НАТАЛЬЯ. Что?

МИША. Там, справа, на востоке, уже чуть светлее. А слева темнее.

Молчание.

НАТАЛЬЯ. Я думаю, а что завтра будет? Что будет завтра?

Молчание.

НАТАЛЬЯ. Скажи.

Молчание.

НАТАЛЬЯ. Я не хочу тебя потерять.

Молчание. Наталья отодвигается от Миши.

НАТАЛЬЯ. Что ты молчишь, Мишка? Ну что ты молчишь-то!?

МИША. Да так.

НАТАЛЬЯ. Какой же ты...

Миша обнимает Наталью.

МИША. Как же мне хочется, чтобы всегда, понимаешь, всегда... Чтобы, в общем, всегда была ты тут, рядом, понимаешь! Так не хочется больше ничего отдавать, терять.

НАТАЛЬЯ. Что ты говоришь?

МИША. Наташка, обними меня! И не отпускай, слышишь! Не отпускай!

Миша хватает Наталью и обнимает её, а она его.

МИША. Никогда не отпускай. Как же жалко, что мы смертны, что мы уходим из этого мира.

НАТАЛЬЯ. Ты о чём?

МИША. А так хочется, чтобы всегда была ты. Со мной рядом была ты. Больше всего я боюсь потерять тебя, не увидеть тебя больше. Ты всё, что есть у меня. Не отпускай меня! Никогда не отпускай.

НАТАЛЬЯ. Больно.

МИША. Прости.

Молчание. Миша отпускает Наталью. Она сидит рядом с ним.

НАТАЛЬЯ. Если ты так боишься меня потерять, если так боишься, то зачем ты здесь, зачем ты охраняешь эту яблоню? Понимаешь, мне страшно. Как же ты не понимаешь! Я не понимаю. Я не понимаю — зачем это всё? Зачем ты тут? Мне страшно, слышишь. Зачем тебе она сдалась? Послушай, пошли! Пока все спят, пока никого нет. Пока Тимофей не видит.

МИША. Что не видит.

НАТАЛЬЯ. Мы сейчас тихо пройдем на улицу. Ты меня у соседнего дома под деревом подождешь.

МИША. Что? Зачем?

НАТАЛЬЯ. Я поднимусь, возьму вещи и деньги.

МИША. Зачем?

НАТАЛЬЯ. И мы уедем.

МИША. Куда? Ты что?!

НАТАЛЬЯ. Я подумала. Я подумала, понимаешь, уедем в деревню. Там хорошо, тепло. И проживешь там. На первой электричке и поедем. И никто тебя там не найдет. Спрячешься. А потом они всё забудут. Да, забудут! Я и скажу, что не знаю, где ты. Убежал, уехал, скрылся. И, может, искать не будут. Там далеко - искать не будут. Не поедут. Спишут дело. И всё. Понимаешь, и всё. Поехали, а? Давай. Всё будет хорошо. Давай. Пока темно, пока никто не видит. Что ты молчишь?! Я и детям скажу, что ты убежал. Никто не узнает. Ну! Ну же... Давай. Миша!

МИША. Нет.

НАТАЛЬЯ. Почему!?

МИША. Не могу.

НАТАЛЬЯ. Яблоня! Ты не понимаешь. Они же убьют тебя! Поехали! Понимаешь, и всё. Всё решится. Они не будут искать. Понимаешь, не будут. Я спрячу тебя, я не отдам тебя! Никому не отдам! Мы уедем. Давай же. Я пошла. Я пошла собираться. Ты жди меня там. Всё! Всё! Мы едем! Ты слышишь?!
МИША. Наташа! Нет!

НАТАЛЬЯ. Почему! Яблоня, всё эта яблоня! Какой же ты!.. Ты не любишь меня! Ты не любишь меня! Ты...

МИША. Послушай, послушай меня, слышишь! Я не уйду! Я не могу уйти!

НАТАЛЬЯ. Ну почему, почему?

МИША. Пойми, эта яблоня — это я.

НАТАЛЬЯ. Как!?

МИША. Пойми: срубят яблоню - меня срубят.

НАТАЛЬЯ. Да что ты!..

МИША. Срубят яблоню — корни мои отрубят, душу мою погубят, меня убьют. Пойми, дать им срубить, уехать, скрыться, спрятаться... Как прежде уже не будет. Никогда не будет. Ничего не вернуть. Дать им срубить яблоню – значит, потом погибнуть.

НАТАЛЬЯ. Они всё равно срубят, как ты не понимаешь!

МИША. А я буду здесь. До конца.

НАТАЛЬЯ. До конца!?

МИША. А я не дам срубить. Пойми, яблоня — это я, это ты, это моя душа, моя родина.

НАТАЛЬЯ. Не надо! Надоело!

МИША. Уйти – значит, стать такими, как они, значит, переступить через себя.

НАТАЛЬЯ. Но ты один! Всё равно будет так, как хотят они.

МИША. Пусть.

НАТАЛЬЯ. Ну что такое!.. Поехали, послушай...

МИША. Я не могу по-другому.

НАТАЛЬЯ. Ты думаешь, что они все, вот эти наши соседи... Что ты думаешь, что им нужно это всё? Они спят. Им всё равно.

МИША. И что!?

НАТАЛЬЯ. Ты думаешь, что им это нужно. А никому не нужно.

МИША. Мне нужно.

НАТАЛЬЯ. Принципы. Глупые принципы!

МИША. Я хочу быть таким, какой я есть. А люди. Пусть. Потом поймут. Время рассудит.

НАТАЛЬЯ. Ничего оно не рассудит! Ничего! Идеалист! Там, в Чечне, что рассудило? Все забыли! Никто не помнит! Слышишь! Сколько я там видела жён и матерей, у которых умирали их мужья и дети. Все! Никому не нужно. Все забыли их подвиги и смерти. Ради кого? Зачем? Пустые идеалы! Донкихотство! Прекрати!

Наталья отворачивается от Миши и всхлипывает. Миша обнимает её, но Наташа пытается отодвинуться.

МИША. А как жить иначе?

НАТАЛЬЯ. Просто жить! Просто...

МИША. А как жить так, чтобы не было противно.

НАТАЛЬЯ. Но люди же живут!

МИША. Живут.

НАТАЛЬЯ. И ты живи.

МИША. А я не могу быть другим.

НАТАЛЬЯ. Что же такое!..

МИША. Когда я здесь лежал после госпиталя, когда ты помогала мне учиться ходить, я хотел больше не думать о войне, о смерти. Я мечтал о простом - не служить, не воевать, не видеть больше этого оружия. Я хотел делать что-то полезное. Я стал заниматься мебелью, восстанавливать её, реставрировать. Что такое смерть — мгновение. Разрушить что-то — секундное дело. А сколько мне надо было сил спасти ранее разрушенное. Груда досок превращалась в произведение искусства, в творение рук человека. И это мне приносило радость. Почему? Потому что я видел, как изо дня в день на моих глазах я буквально из

ничего возрождал то, что считали уже никому не нужным. Возрождал то, что готовы были уже выкинуть.

НАТАЛЬЯ. Ну и занимайся дальше, это же твоё...

МИША. Я хотел выкинуть все мысли о прошлом, о войне, все воспоминания, не думать о том, что видел, что мог помнить. А я не могу не помнить. А я не могу не жить этим. Я не могу не вспоминать тех, кто там был, кто не вернулся. Я не могу не проклинать тех, кто нас туда послал. Я не понимаю, зачем мы были там. Я не понимаю тех людей, которые отправляют парней на войну, которые жаждут этой войны.

Молчание.

МИША. Так вот, разрушить, срубить - много сил не надо. Минута, мгновения. Как и лишить жизни - тоже мгновения. А строить, созидать, создавать — нужны годы. Дерево росло долгие годы. Росло! Срубить — мгновение. А что взамен? Сколько уже срублено в наших жизнях! Надо строить, возрождать, созидать! Хватит уже воевать! Навоевались! Сколько потерь! Не могу! Хватит!

НАТАЛЬЯ. Но ты всё равно не остановишь!

МИША. А кем я буду потом?

НАТАЛЬЯ. Когда потом?

МИША. Если срубят, если здесь не будет яблони... Пойми, есть то, что как пружинка в человеке, как какая-то ниточка. Вот маленькая она, вот ничего она не значит, но обрежь её, убери - и нет человека. Я вижу, я чувствую: срубят — умру, не смогу жить.

НАТАЛЬЯ. Прекрати!

МИША. Не смогу больше так жить. Не смогу. Пойми...

Наталья встаёт. Ходит некоторое время в задумчивости.

МИША. Слышишь?

НАТАЛЬЯ. Что?

МИША. Стрижи.

НАТАЛЬЯ. Ты про что?

МИША. Светает. Стрижи просыпаются. Слышишь писк?

НАТАЛЬЯ. Ну да.

МИША. Я каждый год жду мая. В мае откуда-то с юга прилетают стрижи. Много лет откуда-то с юга они летят сюда. И думаю: прилетят в этом году или нет? Просыпаются, шумят, пищат. Вчера прилетели, а я и не заметил. Утро уже...

Молчание.

МИША. На родное место летят, за тысячи километров. А я жду их. Каждый май...

НАТАЛЬЯ. Я пойду чай согрею. Хочешь чаю?

МИША. Да, да...

Наталья уходит к подъезду.

МИША. Просыпаются. Стрижи. Высоко-высоко летают, и никто им не преграда... Вот и утро...

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Ранее утро. Миша дремлет. По двору крадётся Сухроб. Миша видит его.

СУХРОБ. Я тебе тут самсы принёс. Будешь? Ешь. Теплая. Голодный. Есть надо. Я не говорил. Я тоже на войне был. Была там у нас война. До сих пор вздрагиваю. Страшно. Война — страшно. Ты ешь, ешь. Я ещё принесу. Хотя, боюсь я их. Вон, стоят с ружьями. Когда брат брата убивает — страшно. Я до сих пор простить не могу. Брат на брата. Ненависть - страшное дело. А я до сих пор ненавижу. Как перестать помнить, как перестать ненавидеть? Война — страшно. Ты их тоже всех ненавидишь, с кем воевал, а?

МИША. То была война. Не я её начал. И они не виноваты. Люди есть люди. Там гибли мы, погибали дети и женщины. Что мне их ненавидеть? Война закончилась. Нет у меня к ним ненависти. Но ты прав, Сухроб - нет у меня ненависти, а война сидит. Как трудно её вытравить из себя. Всё забыть хочу, а не могу.

СУХРОБ. И почему нельзя жить всем мирно, дружно.

Из подъезда выходит Димон. Осматривается. Его видит Сухроб.

СУХРОБ. Димон идёт. Пойду я лучше. А то будут говорить потом. Мне нельзя светиться, а то вышлют, чем родню потом кормить?

Сухроб, крадучись, уходит. А к Мише, так же крадучись, подходит Димон.

МИША. Ты чего, Димон?

ДИМОН. А эти все спят.

МИША. А ты что не спишь?

ДИМОН. Да не спится. Вот думаю.

МИША. Ну, думай.

Миша закрывает глаза и продолжает дремать. Димон остаётся сидеть и посматривает на Мишу.

ДИМОН. Я вот думаю тут.

МИША. Ну, думай, думай. *(Миша говорит, не открывая глаз)*

ДИМОН. Врут они всё. Я-то и не понял. А тут дошло, я и думаю.

МИША. Всё врут. Иди спать.

ДИМОН. Да нет. Врут они, говорю. Про благоустройство врут.

МИША. Пусть врут.

ДИМОН. Ты не понял, Мишка. Не понял. Эта тётка, эта главная. Она как говорит, что благоустройство тут будет, то да сё. А ты понимаешь, этот-то её проговорился, помощник. Да я краем уха слышал: дом здесь будет, вот здесь - башня.

Миша открывает глаза.

ДИМОН. Ты понял? А про благоустройство она-то специально говорит. Так и слышал, чтобы голову заморочить.

МИША. Наверное, так.

ДИМОН. Как так. Они же обманывают. Они же обманывают нас!

МИША. И что?

ДИМОН. Это же неправильно! Это значит, они дом тут построят. А мы!? А наш домик. Его потом и снесут. Понимаешь, яблоня и всё остальное так. Нас переселят. Ведь говорили же, слухи ходили. Ты понимаешь!? И врут! Врут! Как так!?

МИША. Они всегда врут. Порода такая. Иначе не могут.

ДИМОН. Как не могут? Своим же врут, понимаешь, своим!

МИША. Это мы свои. А они... Они — другие.

ДИМОН. Как другие?! Я не хочу, чтобы здесь строили. Там гаражи. Она про гаражи-то не сказала. И гаражи снесут. Как я без гаража? Ну! Как я без гаража!? Нет, так не пойдёт. Так не пойдёт. Это же неправильно. Это плохо. Это так не надо. Я вот думаю, что делать что-то надо. Делать! Они же гараж мой тоже снесут. Они же не спросят. А, Мишка!?

МИША. Что!? А что ты сделаешь? Со мной тут встанешь?

ДИМОН. С тобой? Ну, не знаю. Ну, встану. Встану!

МИША. Ну и становись.

ДИМОН. Нет, слушай. Нет. Не могу. У меня Машка и жена, Лидка. Не могу. А вдруг убьют. А посадят? Я тюрьмы боюсь.

МИША. Тогда не стой тут.

ДИМОН. Как не стой? А что же делать? Надо же что-то делать! Это же беспредел! Это же насилие!

МИША. Борись со мной.

ДИМОН. Нет, не могу. У меня семья. Не могу я. Надо по-другому. Надо мирно. Может, написать кому. Может, президенту?

МИША. Пиши.

ДИМОН. Надо президенту написать. Он — справедливый. Ты видел, как он с народом хорошо. Он поможет. Он обязательно поможет. Это точно. А может, не поможет. Ведь снесут, пока письмо дойдёт? А, что думаешь?

МИША. Снесут.

ДИМОН. А что же делать!? Надо же спасти! Это же быстро — снести. Ночь - и снесли.

МИША. Становись. Неси, там, нож, палки какие, биту. Что там ещё?

ДИМОН. Зачем?

МИША. Обороняться.

ДИМОН. А ты думаешь, что они нас. Вот так, вот нас!? И вот так, вот прямо здесь!?

МИША. Ну да.

ДИМОН. Покалечат же!

МИША. Могут.

ДИМОН. А как же мне потом работать? У меня — семья! Нет! Что же делать! Надо же что-то делать! Ну! Скажи же! Что делать? Это же неправильно!

МИША. Неправильно.

ДИМОН. А если нам тут ров вырыть?

МИША. Зачем?

ДИМОН. Чтобы они во двор не прошли.

МИША. Крепость устроишь? Со рвом?

ДИМОН. Нет. Не пойдёт. Техника нужна. Я же такой гараж сделал! Ты же видел?

МИША. Ну да.

ДИМОН. Какие они сволочи! Сил нет! Сволочи! Придурки! Уроды! Вот я их бы! Вот.

Димон грозит кому-то невидимому кулаками. Миша руку прижимает к сердцу и морщится

от боли.

ДИМОН. Задушил бы, удавил бы! И эту тётку главуправшу и дядьку этого, помощника. Гады! Гады! Уроды! Вот я бы их! Сволочи!

МИША. Иди спать. А то, кто их знает.

ДИМОН. Что знает? А ты чего за сердце держишься? Болит, что ли?

МИША. Да так. Ничего. Иди лучше, а то эти заберут.

ДИМОН. Как заберут?

МИША. За соучастие.

ДИМОН. А могут?

МИША. Эти могут.

ДИМОН. Нет.

МИША. Что?

ДИМОН. Видишь — спят. Пока спят, я тут посижу. С тобой. Поддержу тебя.

МИША. Молодец.

ДИМОН. Да это ты молодец. Вот так вот взяться за пистолет. Выстрелить. Разогнать их.

МИША. Бывает.

Из подъезда выходит Саныч. Смотрит по сторонам и спокойно идёт к Мише и Димону. Они продолжают разговаривать.

ДИМОН. Надо, понимаешь, надо бороться за свои права! Мы же люди! С нами надо считаться. Это же так, скажи?

МИША. Надо.

ДИМОН. А вот дом этот построят, эту башню.

МИША. И что?

ДИМОН. Ведь квартиры-то продадут.

МИША. Ну и что.

ДИМОН. А они продадут и барышей себе наварят.

МИША. Наварят.

ДИМОН. А мы как жили плохо, так и будем жить плохо.

МИША. Будем.

ДИМОН. А раньше-то лучше было. Раньше квартиры бесплатно давали. Это же лучше было.

МИША. Это было раньше.

ДИМОН. А земля же наша. Это же наша земля.

Саныч подходит к ним и слушает.

МИША. И что?

ДИМОН. Ну, значит, и мы что-то должны иметь. Для нас что-то тоже должны делать, а не отнимать.

МИША. Кто тебе сказал?

ДИМОН. А ты так не считаешь?

МИША. Считаю. Только тебе никто ничего не даст.

ДИМОН. Почему?

МИША. Не дадут.

ДИМОН. А почему? Несправедливо это.

МИША. Не спишь, Саныч?

САНЫЧ. Вышел подышать.

МИША. Подыши.

САНЫЧ. А ты о чём, Димон?

ДИМОН. Саныч, вот тут дом построят, а мы-то как жили, так и будем жить. Это же неправильно.

САНЫЧ. А что правильно?

ДИМОН. Не знаю.

САНЫЧ. Ну, так и молчи.

ДИМОН. Нет, а что молчать, так и жить!?

САНЫЧ. У тебя квартира есть, гараж есть, дача есть, дети есть, жена есть?

ДИМОН. Ну, есть.

САНЫЧ. Что тебе надо?

МИША. Справедливости он хочет.

САНЫЧ. Скажи ещё, что тебя и власти не устраивают, что тебе других подавай и всё такое. Ещё в оппозицию запишись, Димон.

ДИМОН. И запишусь! Потом... Запишусь...

САНЫЧ. Вот-вот... Все вы такие. Вам бы всё поменять, всё бы изменить. Уже меняли. И что!? Лучше живём?!

МИША. По-твоему ничего менять не надо?

САНЫЧ. Может, и надо. Не знаю. Но, вот ваши все разговоры - пустые. И ты, Мишка, тут устроил — пустое всё.

МИША. Пусть рубят!?

САНЫЧ. Властям виднее. Не суйся.

МИША. Вот так вот.

САНЫЧ. Вам бы побузить! Вам бы выпендриться! Вам бы повыкаблучиваться! Революцию тут устроить! Власти их не устраивают!

ДИМОН. А ты доволен?

САНЫЧ. Видели уже!

МИША. Что видели?

САНЫЧ. Перемены все ваши видел я. Все эти перестройки, все эти девяностые! А набузите тут, так хуже будет. Власти знают что делают. Ну, срубят, ну, снесут. Без крыши не оставят. Вот, все Интернет смотрят, обсуждают, спорят. Ребяшня там голосовать за кого-то хочет, за оппозицию всякую, шелупонь подзаборную. А я за власти всегда голосую. Пусть будут. И нам спокойно, и всем спокойно. А вам бы перемены всё! Затеют тут! Выпендрёжники!

ДИМОН. Ретроград!

САНЫЧ. Слов понабрался!

ДИМОН. Нужен ты им!

САНЫЧ. А может, и нужен.

МИША. Да Санычу перепадает. Он у нас на хорошем счету.

САНЫЧ. Ну и перепадает. А мне и неплохо. Вот вы тут все бузите! А я вот помню, что Брежнева нашего тоже все...

ДИМОН. Что все?

САНЫЧ. Ну, смеялись над ним. Застой придумали! Плохо им там всем, видите ли, жилось! Диссиденты фиговы, повывлезали! Я бы их так и давил бы! Не нравилось им!

ДИМОН. Ну и что?

САНЫЧ. А сейчас фильмы тут снимают. Брежнева все вспоминают. И чего бузили? Жили бы и не вякали! Так скажу - жить надо и не вякать! А вы всё вякаете! Себе жизнь портите и...

ДИМОН. А демократия?

САНЫЧ. Ой! Демократия! Да ну вашу эту демократию. Одного кандидата хватит, идёшь и галочку ставишь, и все довольны. А то устроили тут вертеп! Демократию тут развели.

Яблони тут защищают. Куда мир катится? Дошёл ты Мишка! А ещё дети, жена! Тьфу!

ДИМОН. Шёл бы ты, Саныч!

САНЫЧ. Вот-вот, оппозиция! Как не по-вашему, так и рот заткнуть сразу! Да я и сам уйду, чтобы глупости ваши не слушать! Оппозиция! Выпендрёжники! Бузатёры!

Саныч уходит.

ДИМОН. Разошёлся.

МИША. Пускай.

ДИМОН. А я тебе скажу, вот из-за них мы так плохо и живём. Соглашаются со всем. Всё их устраивает. Что скажешь?

МИША. Может, и так.

ДИМОН. А я скажу, вот они такие все правильные!

Саныч возвращается.

САНЫЧ. А вот я скажу ещё. Вот вы тут все чего-то хотите там. А не за кем идти. Нет никого. Всё мельчает, героев нет. Да и вы, вон, два пропойцы, на вас никакой надежды! Нету никого! Деградация!

ДИМОН. Такая уж и деградация?

САНЫЧ. Было бы за кого, я бы, может, и пошёл. А так, не за кем. Это раньше, там, герои были. Это раньше в атаку шли, Родину защищали. А сейчас... Тьфу... Одни алкоголики...

ДИМОН. Да ты что говоришь!?

САНЫЧ. Что думаю, то...

ДИМОН. Мишку ранило на войне...

САНЫЧ. Да ну вас всех... Пустое дело вы все...

Саныч уходит и что-то себе под нос бубнит, периодически поворачиваясь и смотря на оставшихся Димона и Мишу.

ДИМОН. Разбубнился тут, а, Мишка?

МИША. Пусть.

ДИМОН. Скажи же, вот ходят, бубнят, всех обвиняют. Героев ему подавай. Нету у него героев.

МИША. А может, их и вправду уже нет.

ДИМОН. Как нет? А ты!?

МИША. Я нет.

ДИМОН. Как нет? Ты же воевал, тебя ранили. И сейчас, смотри...

МИША. Я не герой.

ДИМОН. Ну, нет.

МИША. Иди спать. А то сейчас полиция прибежит.

К Мише и Димону подкрадывается Колька из-за кустов. Димон его замечает.

ДИМОН. Ты что тут?

КОЛЬКА. Да так, на всякий случай.

ДИМОН. Что не спишь?

КОЛЬКА. А этот Саныч, что он тут раскричался?

ДИМОН. Критикует. Говорит, что алкоголики мы.

КОЛЬКА. А он меня тоже тут... Говорил, что тунядец я.

ДИМОН. А ты не тунядец?

КОЛЬКА. А ему подавай так, чтобы все официально работали. В семь на работу уходили, вечером возвращались.

ДИМОН. А ты ему объяснил?

КОЛЬКА. Бесплезно ему объяснять. Он и не поймёт.

ДИМОН. Ты и так целыми днями работаешь.

КОЛЬКА. У него так, если на себя работаешь, если сам работаешь, машины чинишь, пилишь, варганишь что-то, то это не считается. Это так, понарошку.

ДИМОН. Станный он.

КОЛЬКА. А вы не боитесь тут сидеть? Смотри — вот Тимофей спит, вон ещё один, вон там, в машине, сидят.

ДИМОН. Да я не знаю. Я сейчас, вообще, пойду. Ты это, Мишка, знай. Я вообще с тобой. Если бы не семья, там, я бы, ну... Ты сам понимаешь...

КОЛЬКА. Куда ты?

ДИМОН. Да сейчас моя проснется. Будет ещё говорить, там. Давай, Мишка.

МИША. Иди.

Димон уходит. Колька и Миша молчат.

МИША. Колька.

КОЛЬКА. Что?

МИША. Я тебя кучу лет знаю. Обещай мне.

КОЛЬКА. Что?

МИША. Если со мной что случится, не бросай моих. Помогай им, советуй, рядом будь. Ну, понял?

КОЛЬКА. А ты думаешь?.. Ты что, не уйдёшь!? Ты думаешь, они?..

МИША. Ничего не думаю. Это как бой, а в бою, сам знаешь.

КОЛЬКА. Не оставлю.

МИША. Обещаешь?

КОЛЬКА. Да.

МИША. Спасибо.

КОЛЬКА. Ты понимаешь. Я тоже... Яблоня эта. Я понимаю. Жалко её. Не правильно это всё. Надоели они все. Но ты пойми, не могу я. Посадят ещё, затаскают потом, засудят. А мне нельзя. Родители старые, дети. Я бы... но не могу.

МИША. Не надо. Не прошу же. Не оправдывайся.

КОЛЬКА. Да я не оправдываюсь.

МИША. Моих не бросай.

КОЛЬКА. Не брошу. Смотри, Наташка твоя. Что это она?

МИША. Чай несёт.

КОЛЬКА. Она-то как сама?

МИША. Мучается она.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Подходит Наталья с термосом в руках и бутербродами.

НАТАЛЬЯ. Колька? Так рано.

КОЛЬКА. Да так.

НАТАЛЬЯ. Я чай принесла, бутерброды сделала. Ешь. Колька, будешь?

КОЛЬКА. Нет, спасибо. Я пойду.

НАТАЛЬЯ. Хочешь, я принесу сейчас стакан. Давай.

КОЛЬКА. Нет, не надо.

НАТАЛЬЯ. Как хочешь. Бери. *(Мише)*

Миша берёт термос и пакет с бутербродами.

НАТАЛЬЯ. С колбасой и сыром.

Коля собирается уходить.

НАТАЛЬЯ. Коля.

КОЛЬКА. Что?

НАТАЛЬЯ. Коля, ну скажи ты ему, что хватит. Скажи, что ещё не поздно. У тебя же машина тут?

КОЛЬКА. Тут.

НАТАЛЬЯ. Миша, мы сейчас сядем и уедем. Коля, ты же поможешь?

КОЛЬКА. Ну да.

НАТАЛЬЯ. А, Миша!? Ради всех прошу.

МИША. Я сказал.

НАТАЛЬЯ. Что сказал! Ты не понимаешь?!

МИША. Коля, иди. Она так.

НАТАЛЬЯ. Что так, что так! Ты не понимаешь...

МИША. Иди, Коля. Иди.

КОЛЬКА. Ладно.

Колька уходит.

НАТАЛЬЯ. Борька сейчас мне нотации читал.

МИША. Что он?

НАТАЛЬЯ. Говорит, что ты неправ. Говорит, что ты всё воюешь, что надо по-другому. Просил меня тебя уговорить. Говорит, что потом всем плохо будет.

МИША. Кому всем?

НАТАЛЬЯ. Всем.

МИША. Ему плохо будет?

НАТАЛЬЯ. Будет.

МИША. Завхозом не сделают.

НАТАЛЬЯ. И он прав. Ему жить.

МИША. У всех есть выбор.

НАТАЛЬЯ. Ты о чём?

МИША. О том, что он выбрал не меня.

НАТАЛЬЯ. А он что, должен был здесь, с тобой, с гранатой стоять?

МИША. Я не об этом.

НАТАЛЬЯ. Всё ты об этом... Ешь.

Наталья отвернулась от Миши и смотрит в сторону. Миша ест бутерброд.

МИША. Помнишь?

НАТАЛЬЯ. Что?

МИША. Мы возвращались из кино. Был вечер. Мы ехали одну остановку на электричке. Ты жила в доме у станции. Но мы почему-то прошли мимо твоего дома и дошли до моего. Я держал тебя за руку и потянул к подъезду. У почтовых ящиков я тебя обнял и поцеловал. Первый раз. Ты закрыла глаза, а я прижался к тебе губами.

НАТАЛЬЯ. Какая-то соседка на нас накричала.

МИША. Это Людка.

НАТАЛЬЯ. Мы испугались и выбежали во двор.

МИША. Ты меня спросила: «Не хочешь шоколадку»?

НАТАЛЬЯ. А ты сказал, что хочешь.

МИША. Мы сели тут, под яблоней, в темноте. И ты отламывала по кусочку и давала мне, и смотрела, как я ем.

НАТАЛЬЯ. Я хотела, чтобы ты меня ещё раз поцеловал, чтобы обнял меня. А ты только ел этот шоколад.

МИША. Я боялся.

НАТАЛЬЯ. Чего?

МИША. Я думал, что тебе это не надо.

НАТАЛЬЯ. Дурачок.

МИША. Да. А потом ты сказала: «Давай потанцуем». И ты стала напевать.

Наталья тихо и мелодично начинает напевать.

НАТАЛЬЯ. Лучше нету того цвету, когда яблоня цветёт, лучше нету той минуты, когда милый мой придёт. Как увижу, как услышу — всё во мне заговорит...

МИША. Да, да. Она.

НАТАЛЬЯ. ...вся душа моя пылает, вся душа моя горит. Мы в глаза друг другу глянем...

МИША. И мы стали танцевать. Вот здесь, у яблони.

НАТАЛЬЯ. Я не могла тебе сказать прямо. Но мне хотелось прижаться к тебе, обнять, поцеловать.

Из подъезда выходит Боря и подходит ближе к родителям, но они его не видят.

МИША. И ты решила танцевать.

НАТАЛЬЯ. Да. И я напевала эту песню, и мы стали танцевать, но какая-то тётка закричала на нас.

МИША. И ты убежала.

НАТАЛЬЯ. Мне было так стыдно тогда.

МИША. Стыдно?

НАТАЛЬЯ. Как будто я делала что-то плохое.

МИША. Но ничего плохого не было.

НАТАЛЬЯ. Не было. Но было стыдно.

МИША. Давай танцевать.

НАТАЛЬЯ. Сейчас?

МИША. Да.

НАТАЛЬЯ. Ты хочешь сейчас, в четыре утра, танцевать?

МИША. Да.

НАТАЛЬЯ. Ты сумасшедший!

МИША. Когда я лежал в госпитале, когда ты ещё ко мне не приехала, я закрывал глаза и видел эту яблоню и тебя. И мне потом в забытьи казалось, как наяву, что мы танцуем с тобой тут, и ты поёшь эту песню.

НАТАЛЬЯ. Ты никогда не говорил.

МИША. Я стеснялся.

НАТАЛЬЯ. Стеснялся?

МИША. Да. Давай. Сейчас.

Наталья встаёт, и Миша встаёт рядом с ней. Они становятся в позу и начинают танцевать.

БОРИС. Вы что? Танцуете!?

Наталья и Миша отстраняются друг от друга.

НАТАЛЬЯ. Нет. Так.

БОРИС. Сейчас? Делать нечего

НАТАЛЬЯ. Ты что?

БОРИС. Я поговорить.

НАТАЛЬЯ. Поговорить?

БОРИС. С отцом.

НАТАЛЬЯ. Зачем? Не надо. Мы уже поговорили. Ты же обещал?

БОРИС. Мама!

НАТАЛЬЯ. Не надо! Ты же обещал мне!

БОРИС. Мама!

МИША. О чём ты хочешь поговорить?

БОРИС. Не при маме.

НАТАЛЬЯ. Борис!

МИША. Наташ, пусть скажет.

БОРИС. Мама, иди.

МИША. Иди, Наташ!

НАТАЛЬЯ. Сынок, прошу тебя.

Наталья уходит.

БОРИС. Пап, послушай, ты понимаешь, что ты нас всех подставил вот этим своим геройством. Ты ничего не добьёшься. Ты понимаешь, что всех нас сейчас затаскают по инстанциям, по органам всяким. Это как клеймо будет.

МИША. Для нас - это для тебя?

БОРИС. Какая разница. Для меня. Это же сразу станет известным, сразу все будут говорить о том, что я твой сын. Ты понимаешь?

МИША. А ты не хочешь?

БОРИС. Что не хочу?

МИША. Быть моим сыном?

БОРИС. Да при чём тут это. Я говорю про свою работу! Для меня это важно. А ты схватился за какую-то яблоню и стоишь тут, как истукан.

МИША. Раньше говорили, что сын за отца не отвечает.

БОРИС. Отвечает. Это лишние проблемы.

МИША. Понимаю.

БОРИС. Мама всё говорит, что куда-то бежать, прятаться.

МИША. И что?

БОРИС. Да глупости это всё. Найдут вас и обоих посадят. Не понимает она.

МИША. А ты понимаешь?

БОРИС. Да. Ритка, там, на подвиги тоже рвётся. Деловая колбаса. Журналистов вызвать, блоггеров хочет. Говорит, что чем больше узнают, тем ты меньше страдаешь.

МИША. Ну а ты что?

БОРИС. А я не рвусь. Представь. Я просто хочу жить.

МИША. Так что ты хочешь?

БОРИС. А журналисты и блоггеры — ерунда. Наоборот, надо молчать. Не нужна огласка. Я тебя прошу. Ради нас. Вот иди сейчас, или когда они все приедут, подними руки и сдайся. Просто сдайся. Ну, отсидишь, вернёшься. А может, и условно дадут.

Из подъезда выбегает Рита.

МИША. Сдаться?

БОРИС. Да. Это будет лучше для всех.

Миша прикладывает руку к сердцу. Часто дышит.

МИША. Лучше?

БОРИС. Конечно. Это не избавит от проблем... Ты что? Что с тобой? (*показывает на сердце*)

Рита подбегает к Борису.

РИТА. Хочешь, чтобы все были такими, как ты, да!?

БОРИС. Ничего я не хочу. Хочу просто...

РИТА. Пресмыкаться!

МИША. Рита...

БОРИС. А вы тут герои все!? Да!?

РИТА. Лучше так, чем ты.

БОРИС. А чем я плохой? Лучше жить, как вы, и биться за эту дурацкую яблоню?

РИТА. Лучше!

БОРИС. Чем? Ничего не добьётесь. Только всем испортите всё.

РИТА. Не испортим. Я всех сюда позову.

БОРИС. И сделаешь только хуже. Совесть, справедливость — только и произносите это. Пустой звук. Слова! Жизнь другая!

МИША. Нет, сынок, не пустой звук. Если бы люди жили по совести да по справедливости — жили бы все счастливо, мирно, жили бы...

БОРИС. Ерунда, мечты, фикция, выдумки. Ты просто много пьёшь...

Слышится явный шум.

РИТА. Что это!?

Видны несколько человек в военной форме. Тимофей просыпается и, видя происходящее, подбегает к этим людям. К ним подходят полицейские.

БОРИС. Росгвардия, ФСБ.

РИТА. Кто?

БОРИС. Росгвардия, ФСБ. Я тут слышал с той стороны, этот хмырь из управы. Он куда-то звонил. Сдавайся, отец. Сдавайся, понял!? Другого выхода нет. Лучше так. Послушай меня!

РИТА. Ты Иуда! Предатель! Понял!

Борис отходит в сторону и потом уходит.

БОРИС. Ты бы шла отсюда. А то и тебя схватят.

РИТА. Вот придурок. Отец!

Рита видит, что отцу плохо.

РИТА. Что с тобой?

МИША. Что-то давит. Дышать трудно. Прямо грудь сдавило.

РИТА. Ты сядь. Отдышись. У тебя давно так? Тебе ко врачу надо. Таблетки какие пьёшь?

МИША. Прописал что-то. Операция нужна. Ты только не говори никому. Слышишь?

РИТА. Сердце?

Рита видит термос.

РИТА. Может, попить. Хочешь пить?

Рита наливает ему. Миша отпивает. Видно, что ему тяжело.

МИША. Ты иди, иди.

Военные занимают позиции. Миша отталкивает Риту.

МИША. Иди. Иди. Я сам!

РИТА. Папа!

МИША. Иди, сказал!

РИТА. Послушай, папа! Я сказать должна. Понимаешь, я уехать хотела...

МИША. Иди!

РИТА. В Германию, жить там. Всё у меня готово уже. Но ты знай: что бы ни было, я буду здесь. Здесь мой дом. Я не уеду. Это моя земля!

МИША. Иди же! Уходи!

Рита убегает. К Мише приближаются Тимофей и генерал-лейтенант. Тимофей что-то объясняет генерал-лейтенанту.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Как? Что?

ТИМОФЕЙ. Был такой приказ.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Да вашего полковника первым судить! Он же подорвёт здесь всё! Это же терроризм! Почему никто не сообщил!?

ТИМОФЕЙ. Я сообщал. Все знают.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Кто знает?

ТИМОФЕЙ. Глава управы, полковник... все.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Это... Нет слов. Вызывай всех сюда. Я пока с этим разберусь.

Генерал-лейтенант подходит ближе к Мише. Миша держится за грудь, ему плохо. В руку берёт гранату.

МИША. Стоять! Не подходи! Взорву!

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Стою.

Во двор выходят люди. Выбегает Наталья.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Не подпускать людей! Увести людей! Всех увести!

Военные пытаются увести людей.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Зачем тебе это нужно, не понимаю. Посмотри, что устроил! Ты окружён! Всё равно ничего не выйдет. Давай, просто оставь все эти твои штучки и отойди. Не создавай больше проблем. Ты понял?

МИША. Понял.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну и что?

МИША. Ничего.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Как? Ты же военный, вроде? Понимаешь всё?

МИША. Я не уйду.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Требования?

МИША. Не рубите яблоню.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Что? Я думал, шутят все.

Генерал-лейтенанта вызывают по рации. Он отходит, чтобы ответить. Военные пытаются сдерживать людей и не пускать их ближе. Мише плохо. Раздаётся сирена.

Затемнение.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Миша сидит у яблони. В руке у него пистолет, граната лежит рядом. Поодаль стоят и разговаривают Вера Петровна, Дмитрий Сергеевич, депутат, полковник, помощник депутата, генерал-лейтенант.

ДЕПУТАТ. Послушайте, я имею опыт в переговорах.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Прямо-таки опыт имеете?

ДЕПУТАТ. Да, я прошу мне дать возможность с ним пообщаться.

ПОЛКОВНИК. Давайте сначала я.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Вы уже общались. Я просто не понимаю вашей халатности. Я сообщу о вас. Обязательно. И вашим сообщу. Таких, как вы, надо под суд! *(Вере Петровне).*

ПОЛКОВНИК. Сообщайте. Я принял все меры!

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Все?! Да ты что?!

ПОЛКОВНИК. Если надо отвечу!

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ответишь! И вы! *(Вере Петровне).* Вы же знали, знали, что здесь происходит!?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Знала.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. И что?!

ВЕРА ПЕТРОВНА. Я не отвечаю за это.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Никто не отвечает. А был бы взрыв, кто бы ответил!?

ПОЛКОВНИК. Не было взрыва.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Если бы не ваш этот, как его, заместитель, так бы и занимались тут?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Кто?

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Звонил тут. Где-то я его видел тут. Всё сказал.

ДЕПУТАТ. Я всё-таки хочу сказать.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Действовать надо было сразу. Это преступление! И вы, Полковник, будете отвечать. И вы! (*Вере Петровне*)

ПОЛКОВНИК. Я отвечаю за этот район. Я сделал всё.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Все ваши оправдания слушал много раз.

ПОЛКОВНИК. Дайте поговорить с ним.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Зачем? Думаете, что он сдастся, или у вас там какие шуры-муры?

ПОЛКОВНИК. Нет. Просто хочу попробовать.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Смешно. Надо просто его нейтрализовать и всё. Снайпер уже взял его.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Снайпер!?

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Вон там, видите?

ПОЛКОВНИК. А граната?

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Вы усложняете. Надо было раньше думать.

ПОЛКОВНИК. Дайте поговорить!

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну, идите!

Полковник идёт к Мише. Мише всё так же плохо.

ДЕПУТАТ. Всё же, если не получится с этим...

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Что?

ДЕПУТАТ. Всё же, если не получится с этим человеком договориться...

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. И что?

ДЕПУТАТ. Я готов поучаствовать.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Да чтоб тебя!..

Полковник подходит к Мише. Вера Петровна разговаривает по телефону. Генерал-лейтенант отдаёт приказания. Люди стоят поодаль. Вокруг военные и полицейские.

ПОЛКОВНИК. Что с тобой?

МИША. Давит, дышать не могу.

ПОЛКОВНИК. Тебя надо в больницу. Срочно в больницу!

МИША. Не знаю.

ПОЛКОВНИК. Бросай всё. Зачем? Понимаешь?

МИША. Уже всё, поздно.

ПОЛКОВНИК. Не уйдёшь?

МИША. Нет.

ПОЛКОВНИК. Я пытался что-то сделать. Понимаешь, я...

МИША. Не надо, полковник. Я понимаю.

ПОЛКОВНИК. Ты её взорвёшь?

МИША. Нет.

ПОЛКОВНИК. Держись.

МИША. Ага.

Полковник отходит от Миши.

МИША. Не говори им про гранату.

Полковник возвращается к группе чиновников.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. И что?

ПОЛКОВНИК. Ничего.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну да. А что вы? (*Вере Петровне*)

ВЕРА ПЕТРОВНА. Звонили из мэрии.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Надо же.

ВЕРА ПЕТРОВНА. В общем, появилась информация об этой ситуации.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. И что!?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Сюда едут журналисты. Эта ситуация уже в новостях.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну и что?

ВЕРА ПЕТРОВНА. В мэрии говорят, что нельзя допустить широкой огласки.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Надо же.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Сегодня открытие чемпионата мира.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну-ну.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Любая огласка испортит общий фон.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Общий фон!?! Сейчас взрыв будет, и конец вашему фону, да и чемпионату.

ДЕПУТАТ. Я имею опыт в общении, в решении таких дел. Я готов.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Слышал.

ДЕПУТАТ. Я готов пойти...

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Понял.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Надо решать.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Что вы думаете? (*Полковнику*)

ПОЛКОВНИК. Он будет стоять до конца.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. До конца...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Скоро должен приехать Петр Юрьевич.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Кто?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Зам мэра.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну-ну.

ДЕПУТАТ. Я как депутат готов...

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Слышал.

ДЕПУТАТ. У меня есть опыт с такими.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Не боишься? Иди.

ДЕПУТАТ. Да... Антон, пошли.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Это кто?

ДЕПУТАТ. Это помощник.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Зачем?

ДЕПУТАТ. Как? Снимать.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Снимать!?

ДЕПУТАТ. Для отчёта.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Нет. Один идите.

ДЕПУТАТ. А снимать?
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Отсюда пусть снимает.

Депутат идёт к Мише и по ходу говорит помощнику.

ДЕПУТАТ. Ты старайся брать крупнее.

Депутат подходит к Мише. Когда он с ним разговаривает, то старается не становиться спиной к снимающему его помощнику и всегда становится так, чтобы были видны его профиль и лицо. Это очень заметно. Депутат говорит очень быстро и жестикулирует руками.

ДЕПУТАТ. Здравствуйте.

МИША. Ну?

ДЕПУТАТ. Я ваш депутат. Кускин Иван Кириллович.

МИША. Что?

ДЕПУТАТ. Я говорю, что я ваш депутат. Зря, что вы не обратились ко мне с вашим вопросом. Всё можно уладить, решить. Нужно написать обращение, я бы составил депутатские запросы, и всё бы было нормально. И понимаете, зачем такие крайние меры. Такой заслуженный человек, воевавший, как вы. Зачем?

МИША. Что вы предлагаете?

ДЕПУТАТ. Вы хорошо себя чувствуете?

МИША. Хорошо. Что вам надо?

ДЕПУТАТ. Я беру на себя всю ответственность как депутат, как ваш представитель. Я обещаю, что мы всё решим, всё сделаем. Смотрите, сколько людей вокруг переполошились, хотя всё можно было значительно проще решить. Да и мы решаем такие вопросы, и всё решается благополучно. Вчера я ездил по соседнему району, мы смотрели с жителями новый дом. Понимаете, и не только этот вопрос, но и многие другие можно решить. А ваша яблоня - это вообще пустяки. Между прочим, мы специально разрабатываем паспорта для каждого района, где мы специально хотим решить все вопросы озеленения и прописать и нормы по озеленению, и виды растений. Вы меня слушаете? Вы слышите меня?

МИША. Шёл бы ты.

ДЕПУТАТ. Что? Не слышу. Понимаете, в каждом районе должна быть своя норма по растительности, свои...

МИША. Пока я бы писал, всё бы срубили...

ДЕПУТАТ. Нет, ну как... Мы бы обязали районные власти.

МИША. Всё равно срубили бы.

ДЕПУТАТ. Да нет.

МИША. Это дерево сажал мой дед.

ДЕПУТАТ. Очень хорошо.

МИША. Он фронтовик. Артиллерист.

ДЕПУТАТ. Семейные традиции, память. Хорошо. В следующем году вам надо обязательно поучаствовать в Бессмертном полку. Да что я говорю, вы, наверное, и участвуете. Я каждый год там обязательно участвую...

МИША. Вот он посадил это дерево.

ДЕПУТАТ. Да, да. Очень хорошо. Я понял.

МИША. А чьё оно, это дерево?

ДЕПУТАТ. Не понял?

МИША. Вы депутат, знаете, наверное. Дерево это чьё?

ДЕПУТАТ. Как чьё, города.

МИША. Города? А этот дом чей?

ДЕПУТАТ. Тоже.

МИША. А город?

ДЕПУТАТ. Что? Не понял?

МИША. А город чей?

ДЕПУТАТ. Как чей? Не понимаю. Вы о чём? Давайте лучше...

МИША. Вот вы говорите, что дерево принадлежит городу. А город кому?

ДЕПУТАТ. Кому? Государству, наверное. России.

МИША. России?

ДЕПУТАТ. Ну да.

МИША. Ясно.

ДЕПУТАТ. Давайте уважаемый поступим так. Сейчас мы вместе просто отсюда уйдём. Под мою ответственность. С вами ничего не будет. Никто вас не тронет. А потом я обращусь от себя лично к мэру, президенту, и мы всё решим. А яблоню я беру под личный контроль. С ней ничего не будет. Я ручаюсь. И мы всё сделаем так, как надо. Вам, несомненно, надо было обратиться сразу ко мне, чтобы решить этот вопрос.

МИША. А что такое ваша Россия?

ДЕПУТАТ. Что? О чём вы?

МИША. Что такое Россия?

ДЕПУТАТ. Страна.

МИША. Ясно. А что такое страна Россия?

ДЕПУТАТ. Вы какие-то странные вопросы задаёте.

МИША. Слова всё это.

ДЕПУТАТ. Как слова? Россия - это государство с многовековой историей. Вот недавно, 9 мая, я был на наших кладбищах и возлагал венки павшим бойцам. Вы у меня в соцсетях можете это прочитать. Всем понятно, что такое Россия.

МИША. Вы служили?

ДЕПУТАТ. Нет.

МИША. Ясно.

ДЕПУТАТ. Это не имеет отношения ни к чему!

МИША. А яблоня — это Россия?

ДЕПУТАТ. Вам плохо? Яблоня? Дерево это.

МИША. А я — это Россия?

ДЕПУТАТ. Послушайте, давайте я под свою ответственность... Столько людей ждут. Давайте.

МИША. А Россия — это я.

ДЕПУТАТ. Что?

МИША. Россия — это я.

ДЕПУТАТ. Глупости.

МИША. Дерево — это Россия. Я — это Россия. Мой дом — это Россия.

ДЕПУТАТ. Не понимаю.

МИША. Моя семья — это Россия. Мой город — Россия. Моя улица, я, это дерево — всё моя страна.

ДЕПУТАТ. Не понимаю вас. Давайте я ещё раз вам скажу, что я предлагаю.

МИША. Всё просто. Я сейчас прямо дошёл до этого, подумал, что Россия — это я. Это всё то, что я люблю, что мне близко, дорого. Разве не так?

ДЕПУТАТ. Вам явно плохо. Вы бредите.

МИША. А у меня хотят отнять.

ДЕПУТАТ. Что отнять?

МИША. Срубите яблоню, снесёте дом.

ДЕПУТАТ. Посадим новые деревья.

МИША. И не будет России, меня не будет. Кусок за кусочком - и нет России.

ДЕПУТАТ. Вы бред несёте. Извините.

МИША. А что взамен? Название?

ДЕПУТАТ. Я хочу вам сказать, что я специально настаивал на принятии программы озеленения города и разработке паспортов озеленения. Понимаете, и в этой программе будет указано, сколько и где надо высаживать деревьев. И деревья будут стандартизироваться. Понимаете?

МИША. Депутат, эту яблоню мой дед сажал, ты понимаешь?

ДЕПУТАТ. Очень хорошо. У вас дед воевал. И я вас приглашаю в следующий раз на Бессмертный полк. Вы пройдёте с портретом деда. Наша страна гордится такими людьми. Это наша история, наша гордость.

МИША. Кусок за кусочком — и нет России.

ДЕПУТАТ. Что?

МИША. Иди-ка ты, депутат!

ДЕПУТАТ. Вы что?

Миша наставляет на него пистолет.

МИША. Иди! А вы все — оккупанты тут!

ДЕПУТАТ. Да вы что!

Депутат отходит от Миши. Его помощник всё это время старался снимать депутата.

ДЕПУТАТ. Ну что? Снял?

ПОМОЩНИК ДЕПУТАТА. Нормально. Смотрите.

Помощник показывает на телефон.

ДЕПУТАТ. Размещай. Только, как обычно, вырежи, что не надо.

ПОМОЩНИК ДЕПУТАТА. Конечно.

ДЕПУТАТ. Так, сейчас здесь. Потом к нам поедем. Надо успеть. У нас какие места на открытии чемпионата? Обернёмся?

ПОМОЩНИК ДЕПУТАТА. Хорошие места. Три ряда от мэра.

ДЕПУТАТ. Это хорошо. Ты меня с ним сфотографируй.

ПОМОЩНИК ДЕПУТАТА. Конечно.

Депутат и помощник подходят к группе чиновников.

Миша смотрит на двор, на чиновников, на всё вокруг.

МИША. А Россия — это я. Россия — это мы. И яблоня — это тоже Россия. Не будет её - и меня не будет, России не будет!

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Миша сидит у яблони. Ему плохо. У подъезда стоят Наталья, Рита и соседи, которые между собой обсуждают происходящее. В других местах двора стоят несколько полицейских и несколько росгвардейцев. К чиновникам прибавился Пётр Юрьевич. Чиновники бурно обсуждают что-то.

РИТА. Mam, ему плохо. Реально ему плохо. Я думаю сердце. Он сам что-то мне говорил.

НАТАЛЬЯ. Что делать?! Я не знаю. Я не понимаю.

РИТА. Вызвать скорую

НАТАЛЬЯ. А дальше?

РИТА. Мы просто её вызовем. И всё.

НАТАЛЬЯ. Думаешь надо?

РИТА. Надо.

НАТАЛЬЯ. Может, он перенервничал. Может, подождать?

РИТА. Зачем?

Чиновники обсуждают. Дмитрия Сергеевича среди них нет.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Я считаю, что надо просто устроить захват.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Вы берёте на себя такую ответственность? В день открытия чемпионата мира? А если что-то пойдёт не так? В городе полно иностранцев.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. А что предлагаете?

ПОЛКОВНИК. Я думаю, надо ещё подождать.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну конечно.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Сколько? И для чего?

ПОЛКОВНИК. Он сам устанет. Он просто устанет и уйдёт. И не надо рисковать.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Вы так думаете?

ПОЛКОВНИК. Ну, какая у него перспектива? Всех подорвать? Сейчас посидит, ещё раз я схожу. Ещё раз глава управы сходит к нему. Жену его возьмём. Вы от Росгвардии, там от ФСБ. И убедим.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. А может, захват? Я тут подумал, что если быстро, вы же можете?

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Это риск. Да и вы тут только что...

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Какой риск? Объясните.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. У него пистолет. У него граната.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. А вы профессионалы.

ПОЛКОВНИК. У меня есть опыт. Я знаю таких, как он. Сейчас остынет. Уже остыл. Чуть с ним поласковее поговорить - и он сам уйдёт.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Возможно.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Вы склоняетесь к тому, что надо ждать?

ПОЛКОВНИК. Я да. Я буду настаивать на этом. Часа три-четыре - и всё решится.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Три-четыре часа!?

ПОЛКОВНИК. Да.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Думаю, и часа за два.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. А быстрее?

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Куда вы торопитесь?

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. А вы не понимаете?

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Вы про это?

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Не про это, а про чемпионат мира. Вы представляете, если он откроется

на таком фоне, если сюда приедут зарубежные журналисты!? А у нас установка с ними мирно вести. Вы представляете, что здесь будет!? Они же всё разносят.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну приедут и приедут. Давайте так: мы свою работу делаем, а вы не мешайте.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. В каком смысле?

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. В том, что дайте нам поговорить.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Как!?

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Просто отойдите в сторону. Я вас позову.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Я официальное лицо.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну и хорошо.

Генерал-лейтенант отталкивает Петра Юрьевича и вместе с полковником отходит чуть в сторону.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Вы думаете, что это всё сработает.

ПОЛКОВНИК. Уверен. Он на взводе. Но его надолго не хватит. Он устал. Надо просто ему предложить чёткий план отступления.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. План отступления?

ПОЛКОВНИК. Да. К примеру, я ставлю тут пост полиции, того же участкового, и беру слово, что если кто-то подойдёт к яблоне, то...

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ясно.

ПОЛКОВНИК. Оружие изымем.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. А его самого.

ПОЛКОВНИК. Отвезём в больницу. Якобы на обследование. Полежит там, поутихнет. А там разберёмся.

Пётр Юрьевич подходит к Вере Петровне.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Я не доверяю этим.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Кому?

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Полковнику, генералу. Пойми, они затягивают.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Зачем торопиться?

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Если это все получит огласку, то мы не сможем ничего сделать. У нас будут просто связаны руки. Это всё может повлечь международную огласку. Ты представь эти заголовки. А ещё лучше представь себе, что наших мест лишимся мы все, поняла!

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ну что мы можем?

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Не знаю, думай.

Пётр Юрьевич хочет отойти от Веры Петровны, но к ним подбегает Дмитрий Сергеевич.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Они уже тут.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Кто?

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Кто тут?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. К управе подъехала машина, там какие-то иностранные журналисты. Ещё звонили с телевидения и ещё из несколько изданий. Они скоро будут уже тут.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Вот! Вот! Вы говорите! Это катастрофа!

ВЕРА ПЕТРОВНА. Дайте я ещё с ним поговорю.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Поговорите!?

ВЕРА ПЕТРОВНА. А какой выход?

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Ладно.

Вера Петровна, Пётр Юрьевич, Дмитрий Сергеевич подходят к полковнику и генерал-лейтенанту.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Можно мне с ним поговорить?

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Зачем?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Я могу попробовать.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. У вас не получится.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Я его знаю.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Знаете?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Да.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. И что? Я не думаю, что получится.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Мы учились вместе.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Учились... Ну-ну...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Он любил меня.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Да ну... Смотрю у вас тут страсти-мордасти.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Дайте мне с ним...

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Иди.

Вера Петровна идёт к Мише. Дмитрий Сергеевич с удивлением смотрит на Веру Петровну. Вера Петровна подходит к Мише. Пока Вера Петровна говорит с Мишей, Дмитрий Сергеевич отводит в сторону Петра Юрьевича и что-то ему говорит.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Миша?

МИША. Ты?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Да.

МИША. И что?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Они будут штурмовать.

МИША. Знаю.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Что с тобой?

МИША. Болит всё.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Давай скорою вызовем.

МИША. И решим все проблемы.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ты о чём?

МИША. Убрать меня отсюда и всё...

ВЕРА ПЕТРОВНА. Тебе же плохо. Я вижу.

МИША. Пройдёт.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Миша, давай вызовем. У тебя явно инфаркт, ты понимаешь?

МИША. Когда смотрю на тебя, думаю, почему одни становятся такими, как ты, а другие нет.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Жизнь заставляет.

МИША. Иди. Всё уже в прошлом.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Я вызову скорую.

Вера Петровна уходит и подходит к полковнику.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Ему плохо. Я вызываю скорую. У него явно инфаркт.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Что?

ПОЛКОВНИК. Вызывайте.

Вера Петровна отходит в сторону и начинает звонить.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну вот, и всё решено.

ПОЛКОВНИК. Решено.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Просто и ясно. В больницу. А там хлопчите, как хотите за него.

ПОЛКОВНИК. Ну да.

Дмитрий Сергеевич в это время объясняет Петру Юрьевичу.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Они уже здесь, за углом.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Ты предлагаешь, чтобы они просто смяли его быстро и всё. И как будто ничего не было. И как будто мы вообще не при чём?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да. Мы не при чём. Ребята из спортивного клуба. Хорошие такие пацаны. Всего и делов.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Ты берёшь ответственность на себя.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Это не вопрос. Утверждение. То есть по твоему звонку они врываются во двор и стремительно хватают его. И всё. И не надо ждать этих нескольких часов.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Не надо.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. А как они ворвутся сюда?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. У клуба есть из подвала выход. Вон, видите? С того угла они выбегают. Их никто не видит. С двух сторон хватают этого.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. А если он взорвёт?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Я думаю, не успеет. Точно, не успеет. И потом он перегрелся уже. Смотрите. Он уже никакой, выпил, наверное.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Выпил. Алкоголик.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну что?

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Действуй.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Хорошо. Но у меня одно условие.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Условие!?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Мне!?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Что за условие?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Я хочу быть главой управы.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Этого района?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. А как же она? *(показывает на Веру Петровну)*

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. На пенсию.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Ты с ней же работаешь?

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Всему своё время. Да она и старая уже. Не справляется.

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Да. Не справляется.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну что?

ПЁТР ЮРЬЕВИЧ. Хорошо. В следующем месяце жди. Действуй! Это ты молодец, далеко пойдёшь. И если что — мы не при чём.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Конечно, мы все не при чём.

Дмитрий Сергеевич звонит по телефону. Вера Петровна подходит к полковнику и генерал-лейтенанту.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Скорая едет. Через пять минут. Я думаю, что он согласится на больницу. Вон его жена, дочка. Уговорим.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Ладно, и обойдёмся без захвата.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Вы думаете, он избежит тюрьмы?

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Пока никого не убил. Посмотрим.

ПОЛКОВНИК. Вера Петровна, избежит. Вытащим. А вы яблоню не трогайте.

ВЕРА ПЕТРОВНА. А что я решаю? Ничего. Да и надоело.

ПОЛКОВНИК. Что надоело?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Пойду я на пенсию. Вот на следующей неделе в отпуск, а потом и на пенсию. И пошли они все куда подальше.

Слышится сирена скорой помощи. Выбегают бойцы спортклуба. Во время всей сцены то тихо, то громко звучит инструментальная версия в современной обработке песни Евгения Мартынова «Яблони цветут».

ПОЛКОВНИК. Это что такое?

ВЕРА ПЕТРОВНА. Что? Не знаю.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ. Откуда они!?

Бойцы спортклуба окружают Мишу. Он из последних сил встаёт, держа пистолет.

МИША. Вы что? Вы кто!? Зачем!? Не пущу!

НАТАЛЬЯ. Миша!

РИТА. Папка!

КОЛЬКА. Откуда эти-то!

ДИМОН. Во дела!

ЛЁШКА. Ублюдки!

САНЫЧ. Убьют ведь.

СОСЕДКА. Ужас!

СУХРОБ. Ай, шайтаны! Что делают!

МИША. Пристрелю! Не подходи! Стреляю!

Миша стреляет в воздух. Бойцы подходят ближе.

РИТА. Папа! Пустите!

Рита отталкивает ничего не понимающего полицейского. За ней бежит Наталья.

МИША. Вы что, ребята! Вы на кого!? На меня!? Зачем же! Что я сделал вам? Остановитесь! Вы не знаете, что творите! Вы...

У Миши подкашиваются ноги. Он хватается за дерево, сползает вниз и падает. Борцы спортивного клуба не понимают, что происходит и останавливаются в нерешительности. К Мише подбегают Наталья, Рита. Наталья падает к Мише.

НАТАЛЬЯ. Миша, Миша, очнись!

К Мише подбегает Вера Петровна. Они растёгивают ему воротник. Пытаются сделать искусственное дыхание. Слышатся звуки приближающейся сирены.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Давай. Ещё раз.

НАТАЛЬЯ. У меня нет сил.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Он не дышит.

Рита хватает пистолет и, держа его неправильно, угрожает бойцам спортивного клуба.

РИТА. Не пуцу! Никого не пуцу сюда! Уйдите! Слышите, уйдите!

Бойцы непонимающе смотрят и отступают немного. К ней подбегает Сухроб с лопатой и загоразживает её от бойцов, направляя лопату против них. Рита смотрит на соседей.

РИТА. Вы! Вы его убили! Убийцы! Вы все убийцы! Вам ничего не надо! Вы всё готовы отдать — близких, себя... Самое дорогое отдаёте... Что же вы!..

Из подъезда выбегает растрёпанный Лёшка. Его пытается удержать Дашка. Лёшка бежит с гитарой к Рите и угрожающе направляет её против борцов спортклуба.

ЛЁШКА. Отстань ты! (Дашке)

ДАШКА. Лёшка, убьют же!

ЛЁШКА. Да ну тебя!

Дашка бежит за ним. Выскакивает Танька. Они немного оттесняют Лёшку и Сухроба и тычут кулаками в бойцов спортклуба.

ДАШКА. Прибьют же тебя, Лёшка!

ТАНЬКА. Видали!? Получите от меня! Вы меня не знаете!

Вера Петровна и Наталья продолжают пытаться реанимировать Мишу. Все смотрят на них, не подходя. Рита стоит рядом.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Не дышит!

НАТАЛЬЯ. Нет. Давай же.

ВЕРА ПЕТРОВНА. Не имеет смысла. Я говорю, всё. Понимаешь, всё...

НАТАЛЬЯ. Нет! Не верю!..

Музыка звучит сильнее. Раздаются более громкие звуки сирены. Рита стоит с пистолетом. Вера Петровна и Наталья пытаются спасти Мишу. Подбегают врач скорой и медсестра. Но постепенно всем становится всё ясно. Наталья отходит и плачет. Вера Петровна смотрит ничего не видящим взглядом. Рита опускает руки. Музыка затихает и свет гаснет.

Несколько секунд длится пауза.

Сцена пустая. Яблоня ярко освещена. У яблони стоит Наталья в белом красивом платье с распущенными волосами. Она кажется очень молодой. Она смотрит в зрительный зал. Звучит музыка. Она поёт песню на стихи Михаила Исаковского и музыку Матвея Блантера «Лучше нету того цвету». Поёт искренне, лирично, просто, проникновенно, не в классическом варианте, а очень просто и по-современному.

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветёт,
Лучше нету той минуты,
Когда милый мой придёт.
Как увижу, как услышу -
Всё во мне заговорит,
Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит.

Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетём,
И куда - не знаем сами,
Словно пьяные, бредём.
А кругом сады белеют,
А в садах бушует май,
И такой на небе месяц -
Хоть иголки подбирай.

Мы бредём по тем дорожкам,
Где не кошена трава,
Где из сердца сами рвутся
Незабвенные слова.
За рекой гармонь играет -
То зальётся, то замрёт..
Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветёт.

Когда Наталья заканчивает петь, свет гаснет.

В пьесе использованы:

Песня «Яблони в цвету» (музыка Е. Мартынов — стихи А. Дементьев).

Песня «Ну что с того, что я там был» (музыка В. Берковский — стихи Ю. Левитанский).

Песня «Лучше нету того цвету» (музыка М. Блантер — стихи М. Исаковский).

Инструментальная версия песни Евгения Мартынова «Яблони цветут».

*Октябрь 2015 г. - февраль 2022 г.
г. Москва*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В этой пьесе использовано несколько замечательных песен. И о них хочется сказать. Пьеса писалась долго, и песни не сразу пришли в эту пьесу. Но когда они появились, то сам текст, сама история стала звучать иначе. Именно стихи и музыка отражают часто очень многое. И в пьесе они отражают все переживания, всю боль русского человека, переживающего за свою Родину. Казалось бы, простые строчки о том, что яблони цветут и лучше нету того цвету, когда яблони цветут, или «Ну что с того, что я там был. Я всё избыл. Я всё забыл». Казалось бы, что мне сразу на ум должны были придти эти песни, когда я стал писать эту пьесу. Но было не так, и когда, наконец, песни нашли своё место в тексте пьесы, то и герои стали не такими плоскими. А в конце пьесы Наталья не просто так поёт песню. И это не финал. Это только начало. Россия много теряла, много отдавала, но всегда снова и снова возрождалась. И снова, и снова в России зацветали яблони, ведь лучше нету того цвету, когда в России яблоня цветёт.